

ВЕРМАХТ НА ПУТНАБУС

ДМИТРИЙ СТАРИЦКИЙ
ПУТНАБУС.
НАПЕРЕГОНКИ СО СМЕРТЬЮ

Мир «Земли лишних»

Дмитрий Старицкий

Путанабус. Наперегонки со смертью

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Старицкий Д.

Путанабус. Наперегонки со смертью / Д. Старицкий — «АЛЬФА-КНИГА», 2013 — (Мир «Земли лишних»)

Дорога до нового дома оказалась для Жоры Волынского терновой тропой. Еле-еле выкарабкавшись после тяжелого ранения, он упорно стремится навстречу своей мечте: пусть в Новом Мире, пусть на другой планете, но жить среди русских людей с любимой женщиной. Но до этого надо еще проскакать полконтинента наперегонки со смертью.

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Старицкий Д., 2013
© АЛЬФА-КНИГА, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

64

Дмитрий Старицкий

Путанабус. Наперегонки со смертью

Очнулся я от громкого настойчивого стука в стекло, задрезавшее в щелястой оконной раме. Стучали обстоятельно, но без хулиганства. Причем стучали со двора, так как с улицы все три окна были еще до заката прикрыты деревянными ставнями, и если бы стучали в них, то звук совсем другой по тональности был бы. Я откуда-то это знал, хотя глаз пока не открывал, кутаясь в мягкую перину с головой.

И с кровати не слезал. Думалось лениво и сонно: постучат и уйдут. Или кто другой им откроет.

«Фигвам. Индейская национальная изба». Стучать стали только сильнее. И уже не только в окно, но и чем-то твердым в дверь. Такие не уходят. Придется вставать.

Сна уже ни в одном глазу. А настойчивый стук все продолжался.

Пришлось, побряхтев, слезать с кровати, винтажной такой, с медными шишечками. Привычно (что меня не на шутку удивило) одним движением влезть босыми ногами в подшитые кожей войлочные опорки, накинуть на плечи старый романовский полушубок и, как был в бязевом исподнем, пойти в сени.

По дороге привычно хлопнул ладонью по выключателю, но того на своем месте около двери не оказалось.

Оглянувшись, посмотрел на потолок и не увидел там не только люстры, но даже примитивной «лампочки Ильича».

– Это где ж такая глушь, что даже электричества нет, – пробормотал себе под нос, нашаривая на простой дощатой столешнице коробок спичек и огарок свечи в низком медном подсвечнике с ручкой кольцом.

Вспыхнувший огонек осветил типичную деревенскую рубленую избу средней полосы России, сверкнув по серебряным окладам икон с погасшими лампадами и шарикам спинки медной кровати, по беленому боку большой печки и темным крышкам двух больших сундуков. Не бедную избу, но и не богатую. Так, серединка на половинку по зажиточности, даже гнутые «венские» стулья есть. И сам тут же удивился этим своим мыслям о зажиточности. По меркам начала двадцать первого века вокруг была жуткая убогость.

К тому же обстановка в избе свидетельствовала, что никто, кроме меня, в этом помещении не живет.

«А девочки где? Автобус? – не въехал я в ситуацию. – Где это я ваще?»

Потрогал нос – целый, но я хорошо помнил, что перед тем, как потерял сознание, была сильная боль от удара по носу. И домов там, в валлийских горах, рядом не было никаких.

Значит, мне это все приснилось? Новая Земля. Орденский город Порто-Франко. Путанабус. Чертова дюжина красавиц из эскорта. Бой с бандитами. Проводы полкового козла на пенсию. Однако какой реальной силы был этот сон! Какие цвета! Какие тактильные ощущения! Какая эротика! Тинто Брасс отдыхает и нервно курит в сторонке. Жаль, что это был только сон, пусть даже в конце этого сна меня убили.

Видать, хорошо я тут вчера нажрался с Вовиком на их корпоративной вечеринке, вот он меня и засунул сюда отсыпаться с глаз большого начальства подальше. Но пили явно что-то очень качественное, ибо никакого похмельного синдрома совсем не наблюдается.

Снова застучали в дверь, уже нетерпеливей. Увидали, гады, свет в окошке. Возбудились.

Пришлось шкандыбать в сени.

Там, прикинув ухом к входной двери, прислушался к бормотанию людей за дверью, но ничего не разобрал.

– Кого черти носят тут по ночам! – крикнул через дверь.

– Открывай давай! – требовательно заорали со двора. – Фершал нужен. Срочно.

Взяв в правую руку топор с лавки, левой скинул щеколду с двери и потянул ее на себя, не раскрывая полностью.

В сизом предрассветном мареве на крыльце стоял явно военный. По крайней мере, на его голове красовалась характерная такая фуранька, и шашка висела на боку. За ним, ниже крыльца, во дворе стояло еще трое с длинными винтовками за плечами. Отблески поздней луны посверкивали на тонких штыках.

– Ну я фершал. Чё надоть? – с удивлением услышал я хриплые звуки собственного голоса.

– Собирайся, поехали, – сказал тот, что с шашкой.

– С какого такого бодуна?

– Ранетые у нас, – пояснил он спокойным голосом.

Ага. Шнурки только поглажу и побегу.

– Так везите сюда, раз уж разбудили ни свет ни заря.

– Не доедут они. Сильно ранетые.

– Мил человек, так ведь я ни разу ни дохтур, – выдал ему свои резоны. – Им дохтур нужен, если они так сильно покоцанные, что до меня довести их не могут. Не та у меня квалификация, чтобы операции делать. Зубы драть, мозоль вот вырезать, грыжу вправить, перевязать... Рану еще почистить, чтоб до дохтура жилец доехать мог, – это ко мне. А все что сложнее, – извини, на копейки учился.

– Да что с ним гутарить, с контрой. Иваныч, поставь его к стенке на хрен, а мы зараз, – крикнул один из тех, что с винтовками, однако, не снимая оружие с плеча.

– Ша! – дернул рукой в запретительном жесте тот, что с шашкой, кого Иванычем назвали. – Фершал вам не контра, а несознательный пока исчо, но трудовой элемент. Сами ноги бьете только потому, что сдуру доктора в расход пустили. Не понравилось вам, что тот из дворян был. А ранетых кто лечить будет? Вы, што ль?

Троица во дворе виновато потупилась на свои облезлые ботинки с обмотками.

«Бред какой-то», – думал я, смотря на весь этот спектакль.

– Вот это видел? – повернулся ко мне военный, доставая из рыжей кобуры австрийский револьвер и тыча его дулом мне под нос.

Память моментально выдала справку: «Раст и Гассер», калибр 8 миллиметров, в барабане 8 патронов. Год принятия на вооружение Австро-венгерской армии – 1898». Простой, как молоток, и такой же надежный. У самого точно такой же девайс с фронта привезен и надежно припрятан. Только патронов не густо.

– Не пужай, пуганые ужо. Я всю Великую войну на фронтах. Две Георгиевские медали за храбрость имею, – слышал я как со стороны собственную речь и ошизывал. Слова слетали с губ помимо моей воли. – Ну, шлепнешь ты меня тут, сильно тебе это поможет? В селе больше фершалов нету.

Военный недовольно засопел, но револьвер убрал. И тон сменил:

– Дорогой мой человек, если бы ты знал, какие люди сейчас страдают, то сам бы впереди меня побежал их лечить.

– Для меня все люди одинаковые – больные, – выдал ему следующий резон. – Других я почти не вижу. Где твои раненые?

– В соседнем селе.

– Не-э-э... – ушел в отрицалово. – Я туда не пойду, тем более ночью...

– Какая ночь, отец, окстись. Рассвет уже.

Интересно, почему это я ему «отец»? Парню этому где-то чуть больше двадцати на вид, мне тридцать пять. На отца вроде как не тяну совсем...

– Все равно пешком двенадцать верст не пойду. Давай транспорт.
– Да откуда я тебе его возьму? – удивляется тот совершенно натурально.
– Твои заботы. Село большое, – сказал равнодушно и, повернувшись, ушел в сени, бросив по дороге топор в угол. Из сеней – в комнату, где от оплившей уже свечи запылил семилинейную керосиновую лампу с надраенным отражателем. Теперь хоть можно глаза не ломать.

Выехали уже со светом. По солнышку.

Пока военные добывали по селу подводу, я успел не только собраться, но даже побриться. Не только подбородок, но и голову. Собрать фельдшерский саквояж и накинуть поверх хорошо уже поношенной одежды рыжий брезентовый плащ. Длинной почти до земли и с капюшоном. На ноги пришлось надеть порыжелые сапоги из юфти, которые уже просили каши, но ничего более приличного в избе не нашлось. Не айс. Нанковая косоворотка и серый пиджачишко с брюками от разных пар. И кепка-восьмиклинка. Что-то подсказывало мне, что одежда получше есть в сундуке, но в то же время это же самое подсказывало, что не стоит при этих вроде как военных выделяться справным платьем.

Подвода, которую пригнали к моему дому, была собственностью знакомого мне мужика-односельчанина Трифона Евдокимова. Как и мерин – длинногривый соловый русский тяжеловоз, которого он привел с собой в село в семнадцатом году, когда дезертировал из артиллерии, где служил ездовым при пятидюймовых гаубицах в учебном полку. Гаубицы, правда, были 48-линейные¹, но Трифону больше нравились круглые цифры.

Стянув с головы войлочный шляпок, Трифон с поклоном поздоровался со мной, когда я под конвоем солдат с винтовками выходил из избы.

– Доброго утречка вам, Егорий Митрич.

– И тебе, Трифон, не хворать, – ответил ему и уселся рядом с ним на облучок.

Поглядел на солдат, смолящих махорку в самокрутках, и сказал ехидно:

– Что тормозим, служивые, или у вас люди не так шибко раненые, как обсказывали?

Принадлежность этих, с позволения сказать, воинов была неясной. Никаких знаков различия они на своей форме – сильно потрепанной летней форме Русской императорской армии, – не несли. Ни кокард каких, ни лент на головных уборах не было. Как и погон.

– Трифон, – спросил тихонечко, – напони мне: какое сегодня число?

– Так это... – вылупил на меня он белесые зенки, – сентябрь на дворе пятый день.

– А год?

– Год осьмнадцатый. Второй, как царя скинули. И второй год Республики, уже пять дён как².

– Дела... – только и промолвил.

Пошарил по карманам, но сигарет не обнаружил. Ну да. Сигареты же в камуфле остались, а на мне сейчас не пойми что надето.

– Трифон, у тебя закурить не найдется?

– Так не смолишь ты, Митрич, и нам всегда пенял на то, что вредно это для организмы.

– Что-то захотелось, – отвернулся я от мужика.

Военные в это время, поплевав на окурки, пригасили их о каблуки и полезли на телегу, в заботливо накиданное Трифоном сено.

– Кудыть ехоть-то? – спросил их Трифон, не оборачиваясь.

– В Лятошиновку, – ответил тот молодой, что с шашкой.

¹ 48 линий = 4,8 дюйма = 122 мм; 5 дюймов = 127 мм. – Здесь и далее примеч. авт.

² Республика в России была провозглашена А. Ф. Керенским 1 сентября 1917 года.

– Ну, хоть недалеко, – с облегчением выдохнул Трифон и, набрав полную грудь воздуха, треснул вожжами по крупу своего мерина: – Но! Пошел, проклятый заклеянный!

Мерин невозмутимо и привычно застучал большими копытами по траве между колеями дороги, легко таща за собой телегу с шестью солдатами. Все же этот артиллерийский конь был привычен таскать в упряжке с еще пятью такими же две с половиной тонны походного веса гаубицы. С ездовыми. Что ему полдюжины не сильно откормленных человеческих тушек?

Я осмотрелся. Лес за селом действительно стал покрываться желтым листом. Но еще как-то робко. В низинах стоял жидкий туман. Убранные поля желтели стерней. Действительно осень уже.

Голода я не чувствовал, хотя изо всей еды выпил с утра только кружку колодезной воды из ведра в сенях. И конвоиры меня понукали, чтоб быстрее собирался. Этих дармоедов мне кормить совсем не хотелось. А пришлось бы, засвети я перед ними снеть.

– Господа военные, осветите темным селянам политический момент, – вдруг спросил Трифон, ёрничая.

– Господа все у прошлом году кончились, – спокойно, даже с некоторой ленцой, ответил один из солдат, – а те, кто не кончились, тех мы докончим. Всенепременно.

Последнее слово он сказал с какой-то мечтательной интонацией.

– Ну, так как насчет политического момента? – пропустил Трифон мимо ушей революционную сентенцию. – Продразверстку исчо не отменили?

Хохот был ему ответом.

– Кто ж тебе ее отменит, когда в Москве и Питере почитай что голод, – сказал молодой.

– Ну да, ну да... – скуксился Трифон, – оно понятно...

Но молодой, как оказалось, не все сказал.

– Три дня назад ВЦИК³ постановил превратить Республику в военный лагерь. Создан Революционный военный совет, который возглавил товарищ Троцкий. Все красные партизанские отряды сводятся в единую регулярную Красную армию. – И уточнил, оттенив голодом: – Рабоче-крестьянскую Красную армию. Вашу армию. А ее тоже кормить надоть. Так что нескоро продразверстка ваша закончится. Скоро придут к тебе из Пензы товарищи рабочие. Жди. Мешки готовы.

И красные партизаны снова заржали.

Чувствовалось, что они как-то ощущают свое превосходство над сельскими жителями. И это превосходство, скорее всего, кроется не в идеологии, которой им промывают мозги, а просто в том потертом оружии, которые они держат в руках. «Винтовка рождает власть», – так, кажется, Мао сказал в сороковых годах. А сейчас восемнадцатый. Эти мужики в потрепанной униформе не могут так четко выразить свою мысль, как образованный китаец по имени Цзэдун, но чувствуют то же самое. И это чувство им нравится.

Анархистская революционная вольница, которую скоро «лев революции» Троцкий станет лечить расстрелами популярных партизанских командиров.

Угораздило же так попасть. Да что там попасть – вляпаться! Хуже, чем на эту Новую Землю, на которой меня убили. Долго я тут не протяну. Не с моим длинным языком жить при красных. «Прошел он коридорчиком и кончил стенкой, кажется»⁴. У них сейчас одно наказание за все – расстрел.

Только мне уже все по фиг. Я, наверное, теперь Агасфер. Тот самый «вечный жид», только не в собственной мумии по свету шатаюсь, а так вот переселяюсь незнамо как из

³ ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет Съезда Советов. Высшая законодательно-исполнительная власть Российской республики, РСФСР и СССР после переворота 25.10.1917 г. и до 1936 г.

⁴ Цитата из песни Владимира Высоцкого.

тела в тело, из времени во время. И это открытие что-то меня не радует. Хотя всяко лучше банального небытия.

Через час неспешной прогулки на трясучей телеге среди зеленеющих еще дубрав остановились перед двухэтажным домом волостной управы в соседнем селе.

Молодой партизан, придерживая шашку, тут же пташкой взлетел на крыльцо и пропал, хлопнув дверью.

Военные повылезали с телеги, тут же принявшись смолить махорку.

К телеге подошел мужик, одетый, несмотря на тепло, в справный армяк, поздоровался с нами и поинтересовался:

– Как там у вас, Трифон, Лятошинский сад ноне – с урожаем? – И выщербился довольной улыбкой из густой бороды.

– А тебе какое дело? – ответил Трифон, сворачивая сигарку.

– Да вот хотим княгинюшку поципать на яблоки-груши. Сушки на зиму нарезать. Им все одно столько не сожрать, хошь в три раза кишку удлини. А продать столько нынче негде. Да и вывезти нечем.

– А че мальцов не пошлете? – спросил Трифон, заклеивая сигарку языком.

– Дык, сам знаш, сторож-то у княгинюшки дюже злой. И берданка у него солью заряжена. Жалко мальцов-то.

– А свою дупу тебе, знать, не жалко? – усмехнулся Трифон, чиркая колесиком фронтальной зажигалки – самодельной из латунного патрона – и с наслаждением прикуривая.

Эту занимательную беседу дослушать не удалось, так как молодой партизан выглянул из двери управы и крикнул:

– Фершал, пошли со мной! Товарищ Фактор требуют.

Товарищ Фактор оказался subtilным молодым еще человеком, которому на вид не было и тридцати. На его белобрысой голове, стриженной довольно смешно – вся под «ноль», а на лбу короткий чубчик; так любили стричь мальчишек-дошколят в дни моего детства, – резко выделялись нафабранные чем-то черным огромные «буденновские» усы. Одет он был в шевиотовую гимнастерку защитного цвета без погон, а щегольские синие диагональные галифе были заправлены в желтые сапоги со шнуровкой по всей голени. На обычном офицерском поясе висела порыжелая нагановская кобура. Холодного оружия товарищ Фактор не признавал.

– Вы врач? – спросил товарищ Фактор.

При этом он посчитал совершенно ненужным со мной здороваться. Но не преминул высверлить мой мозг белесыми глазами в рыжих ресницах и по-жандармски «прочитать у меня в сердце»⁵.

– Нет. Фельдшер, – ответил я, решив не представляться, если со мной не здороваются. Ибо не фиг.

– На вас выпала благородная задача вернуть к жизни великого революционера, который начинал бороться с проклятым царизмом еще в конце прошлого века в Бунде⁶. Проникнетесь этой ответственностью, ибо права на ошибку у вас нет. Товарищ Нахамкес должен жить и вести угнетенные трудящиеся массы к светлой социалистической будущности.

Товарищ Фактор заложил левую руку за пояс, а правой, сжав ее в кулак, стал неумно жестикулировать. Чувствовалось, что в таком трансе, в который он себя сейчас загонял, он мог говорить часами.

⁵ Цитата из повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русский человек за границей».

⁶ **Бунд** (букв. «союз» на *идиш*) – Всеобщий еврейский рабочий революционный союз социал-демократической направленности, действовавший в конце XIX – начале XX в.

– Вы только проникнитесь своей миссией и ответственностью – вылечить такого великого человека. Одного из отцов русской революции...

Тут мне вся эта комедия надоела, и я невежливо перебил увлекшегося оратора:

– Может, вы меня сразу расстреляете?

Товарищ Фактор замолчал и застыл, будто наткнувшись на неожиданное препятствие.

– Зачем? – удивился он недоуменно. Даже его мелкие круглые глазки стали еще круглей и похожи на оловянные пуговицы. – А кто вылечит товарища Нахамкеса?

А я нарывался уже не по-детски. Агасферу все расстрелы – до одной дверцы...

– Да тот доктор, которого вы уже поставили к стенке, и вылечит. Я же не Христос, и товарищ Нахамкес – не Лазарь. Воскрешать мертвых не умею. Но подозреваю, что, когда вы закончите читать мне проповедь, товарищ Нахамкес благополучно переселится в Могилевскую губернию, в штаб к Духонину⁷. Если вам так необходимо чудо, то не стоило беспокоить этим простого сельского фельдшера, а надо было выписать из Любавича цадика, чтобы тот это чудо совершил. Ему это не трудно. А мне так непосильно.

– Вы что себе позволяете? – взвизгнул товарищ Фактор. – Это контрреволюция! Вы подлый наймит буржуазии, призванный изничтожать верных сынов революции. Вы просто враг народа! Антисемит!!! Черносотенец!!!

– Нет, это что ВЫ себе позволяете! – Я тоже на горло брать умею. – Будите среди ночи единственного в селе фельдшера. Везете черт-те куда. И вместо того чтобы допустить его к больному, читаете проповеди на отвлеченные темы. Не говоря уже о том, чтобы приглашенного медика хотя бы чаем напоить, если накормить – жадность обурекает.

– Идите, – сказал Фактор, раздувая ноздри. – К раненым вас проводят. Кипяток принесут.

И отвернулся к окну, скрестив руки на плоской заднице. Прямо мисс Майлз какая-то.

Молоденький Михалыч, тот, который красуется драгунской шашкой, вывел меня из здания управы и решил проводить до импровизированного госпиталя.

Я его остановил на крыльце, сказав, что надо взять с телеги свой фельдшерский саквояж.

Неторопливо разрывая сено в кузове, тихонечко сказал Трифону:

– Триш, я сейчас пойду раненых пользоваться, а ты потихонечку сматывайся отсюда, пока у тебя товарищи коня не реквизируют. Меня не жди, домой сам доберусь. За избой моей лучше присмотри, а то она так открытая и брошена. Ключ от дверей в сенях висит справа от косяка. Давай двигай, пока не поздно.

Трифон сдвинул шляпок на лоб, чеша активно затылок всей пятерней:

– Ой, еж ты... Егорий Митрич, как же... А эта...

Но я уже махнул рукой и с саквояжем в руке двинулся вслед за Михалычем, который повел меня на задворки здания управы, где в каретном сарае красные устроили свой госпиталь. Нашли место... Одно слово – товарищи.

Товарищ Нахамкес в одном исподнем бился в горячке под скомканной простыней на принесенной из какой-то зажиточной избы железной кровати, выставив всем на обозрение грязные пятки. Сознанием товарищ был не обременен.

Его протирала водой с уксусом типичная сестра милосердия из благородных, каких много встречалось на Великой войне. Для многих – второй Отечественной. Было ей на вид не больше двадцати пяти лет, но возможно и меньше – война, как любая тяжелая работа, старит. Волосы убраны под сестринский платок до бровей, из-под которых смотрели пронзительные

⁷ Распространенный в то время эвфемизм смертной казни, после линчевания в Могилеве 20.11.1917 г. последнего главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина.

васильковые глаза мудрой женщины. Серо-бежевое платье до щиколоток было укрыто под белым сестринским передником. Когда-то белым. Но чистым, недавно стиранным.

Красивая женщина, хоть и пытается это скрыть.

Я поздоровался, представился.

– Волынский Георгий Дмитриевич, фельдшер четырнадцатого генерал-фельдмаршала Гурко стрелкового полка четвертой «Железной» стрелковой бригады. Кандидат на классный чин⁸.

Женщина улыбнулась. Кивнула. Представилась сама.

– Наталия Васильевна фон Зайтц. Сестра милосердия санитарного поезда общества Красного Креста. Полковница. – И тут же поинтересовалась: – Вы на каком фронте воевали?

– На Юго-Западном.

– А я – на Кавказском, – улыбнулась сестричка, показав очаровательные ямочки на щеках.

– Что ж вас в наши палестины-то занесло недобрым ветром?

– Так получилось. Кисмет⁹, – махнула она рукой.

– А здесь вы?..

Наталия Васильевна не дала мне договорить вопрос:

– Считайте, что пленная. – Она тяжело вздохнула. – Нас с доктором Болховым товарищи с поезда ссадили в Пензе и привезли сюда. Николай Христофорович, осмотрев раненых, заявил, что этот, – она показала на Нахамкеса, – обязательно умрет. Так они его вчера за это расстреляли. Предварительно спирт медицинский из его запасов весь выпили.

– А что с этим? – кивнул я на Нахамкеса.

– Сепсис, – ответила Наталия Васильевна. – Запущенный. Антонов огонь уже. Не жилец. У меня за три года глаз наметанный, кто выживет, а кто нет. Но они с ним носятся, как с куличом на Пасху. Вот сижу тут и жду, пока саму к стенке прислонят. Я же баронесса. Для них – классово чуждый элемент. Все, как в Великую Французскую революцию. Всех дворян – на гильотину!

– Да нет, – возразил я, – у вас, милая Наталия Васильевна, слишком оптимистичный взгляд на мир. Товарищи шире мыслят. Не только дворян, но еще и буржуев они хотят уничтожить. Всех поголовно. Купцов, заводчиков, фабрикантов, лавочников. Интеллигенции тоже достанется неслабо, потому как выглядит она по-господски. Говорит по-русски правильно. И мозолей на руках не имеет. А потом и за крепких крестьян возьмутся. Революция у них перманентная. Так что всегда найдется классовый враг, которого надо уничтожить. Не будет такого врага – придумают. Без врагов они жить не умеют.

Она мне не ответила, и пауза затянулась. Чтобы сбить неловкость, спросил про остальных раненых.

– Упокоились оба сегодня под утро. Без операции и надлежащего ухода. Николая Христофоровича товарищи расстреляли, не дав даже им помощь оказать. Мне же ничего товарищи не дают, ни лекарств, ни бинтов. Только требуют. Как в таких условиях людей лечить – я просто не представляю.

– Ну, это у них в заведении, – подтвердил я ее мысли, – требовать.

– Хотите чаю, Георгий Дмитриевич? – предложила баронесса.

Наверное, чтобы прекратить этот неприятный для себя разговор.

– Всенепременно, Наталия Васильевна. Из ваших нежных ручек я даже цикуту приму с удовольствием, – улыбнулся.

⁸ Кандидат на классный чин / кандидат на классную должность – нестроевые унтер-офицеры (писаря, фельдшера, мастеровые, музыканты и т. п.), сдавшие экзамены для производства в чин коллежского регистратора и ожидающие вакансии. Носили одну широкую лычку вдоль погоны, как подпрапорщики.

⁹ Кисмет – судьба (*турецк.*).

– А вы, Георгий Дмитриевич, – тонкий ловелас, как я посмотрю.

Улыбается хорошо так, приветливо, но совсем не обещающе. Не сексуально. И руки за спиной прячет. Совсем не барские у нее руки после трех лет тяжелой работы в санитарном поезде.

– Что еще остается делать под угрозой расстрела, не на луну же выть? – улыбаюсь в ответ.

Ее глаза тоже улыбнулись. Господи, как она на мою Наташку похожа! Прямо сестры...

– Вы литвинка? – спрашиваю.

– Да, я из Беларуси, с Гродно, – подтвердила она мою догадку. – Моя девичья фамилия – Синевич. А как вы догадались?

– По внешности, конечно. Самые красивые женщины у нас либо с Белоруссии, либо с Волги. Но на Волге абрис лиц другой.

В этом каретном сарае стараниями Наталии Васильевны в целом было не так уж и плохо. Дощатый пол выметен и вымыт. Стекла в маленьких окнах – чистые. Три железные койки тоже содержались в чистоте. И белье постельное под Нахамкесом было свежее. На остальных кроватях матрасы были скатаны в рулоны.

В дальнем углу, за ширмой – на удивление богатой такой китайской ширмы, шелковой, с вышитыми пляшущими аистами – стоял грубый топчан самой сестры милосердия, застеленный тонким солдатским одеялом. Стол. На столе примус, коробок шведских спичек и что-то еще накрытое чистой тряпицей.

Над столом лениво кружила запоздавшая муха и громко жужжала как тяжелый бомбардировщик.

У стола стоял грубо сколоченный трехногий табурет с овальной дыркой-хваталкой посередине сидухи. На нем я и утвердился. Наталия Васильевна пристроилась на свой топчан.

На стене над столом, привлекая к себе взгляд, висели старые потертые хомуты.

Загудел примус. На него поставили медный котелок с водой.

– Чай только морковный, – словно извиняясь, произнесла Наталия Васильевна.

– Это не страшно, – заверил я ее, улыбаясь, – у меня с собой, по случаю, пару щепоток настоящего байхового завалилось в саквояже.

Похоже, не только я сам, но еще и моя Наташка перенеслась сюда же и вселилась в эту героическую женщину. Глядя на милосердную сестру, мне постоянно хотелось улыбаться. Наташка и Наталия Васильевна стали для меня как бы единым целым. Смотрел я на нее как на подарок судьбы и ничего не мог с собой поделаться, сознавая, что выгляжу все же немного глуповато. Это если еще мягко сказать.

Наверное, и Наталия Васильевна также себя ощущала не совсем в своей тарелке и потому тоже постоянно мне улыбалась. Несколько смущенно.

– А где ваш муж? – спросил, чтобы внести ясность в наши отношения, по крайней мере с моей стороны. Жена боевого офицера – это святое.

– Муж мой, – вздохнула Наталия Васильевна, – зауряд-полковник Александр фон Зайтц, командир армянской ополченческой дружины, погиб восьмого марта шестнадцатого года в Лазистане при штурме Ризе, предместья Трабзона.

– Простите, – пристыженно промолвил я, снимая закипевший котелок с примуса.

– Не надо извинений, дорогой Георгий Дмитриевич, все слезы по нему я уже выплакала. Больно мне только за то, что смерть его оказалась напрасной. Товарищи все его завоевания Кемалю¹⁰ отдали. – А вы женаты? – в свою очередь поинтересовалась вдовая баронесса.

¹⁰ Кемаль, Ататюрк – первый правитель республиканской Турции. Друг и союзник Ленина.

– Да вот как-то не сподобился, – пожал плечами.

На этом анкетная часть нашего знакомства закончилась. Мы молчали, приглядывая за наконец-то спокойно уснувшим Нахамкесом, иной раз чисто физически отталкиваясь взглядами друг от друга, при этом с наслаждением пили хороший китайский чай. Последний настоящий чай из моих запасов. Больше взять такую роскошь негде. Не те времена. Но я был рад доставить этой героической женщине гастрономическое наслаждение. Сидел и улыбался как дурак, любуясь, как она аккуратно ест и вкусно пьет.

Завтрак наш был вскладчину. Со стороны Наталии Васильевны была выставлена горбушка свежего подового серого хлеба фунта¹¹ на два, испеченного здесь же, в Лятошиновке. С моей стороны – сало, которое я прихватил из дома тайком от товарищей в фельдшерском саквояже вместе с чаем. Небольшой кусочек в четверть фунта – все, что было дома в пределах доступа без любопытных глаз товарищей.

Наше бытие, несмотря на принудительное пребывание в этом каретном сарае, пришло в умиротворение. Прямо «благорастворение в воздушных». Давно я так хорошо себя не чувствовал.

А операцию Нахамкесу мы все же сделали. Вот так вот: взяли и подвиглись. Даже с анестезией. В вещах, оставшихся от покойного доктора Болхова, хлороформа не оказалось, но, на счастье, случился пузырек с настойкой опия. Так что ранбольшой не мешал мне делать с ним все, что мне заблагорассудится.

А заблагорассудилось мне отрезать ему ноги. Это была единственная возможность оставить ему жизнь. Но даже на это оставалось очень и очень мало времени. Гангрена уже раздувала ногу выше голеностопа.

Оба временных санитаря, которых по нашей просьбе нам прислали из краснопартизанского отряда, дружно попадали в обморок как гимназистки, когда я стал пилить хирургической ножовкой кости комиссарских ног.

– Не отвлекайтесь на них, Наталия Васильевна, – прикрикнул я на сестру милосердия. – Пусть валяются. Сейчас они мне не нужны.

Баронесса кивнула в знак понимания и промокнула марлевой салфеткой мой покрытый испариной лоб.

Хотя мне часто приходилось на войне присутствовать при ампутациях и даже ассистировать врачам, своими руками я это делал первый раз в жизни. Но решился, так как смерть товарища Нахамкеса неизбежно означала и нашу с Наталией Васильевной смерть. Такова сложилась структура момента. А иначе... Помер бы этот Нахамкес, да и хрен с ним. Одним кровавым революционером меньше. Чем он лучше тех красноармейцев, которые уже умерли, потому что товарищ Фактор оставил их без врачебной помощи?

Меня другое больше занимало – я не понимал уже, где сознание гуманитария Жоры из двадцать первого века, а где сознание фельдшера Георгия из начала двадцатого. Самое интересное, что шизофреники, как двух центров управления одним телом, одним разумом, я за собой не наблюдал. Может, со стороны это было сильнее заметно? Но мне о том не сообщали.

Худо-бедно, но в целом я с задачей справился и даже культы под протезы были сделаны моими руками не совсем корявые. И я был собой весьма доволен. Тем более что Наталия Васильевна смотрела на меня просто влюбленным взглядом.

– Да вы кудесник, Георгий Дмитриевич! Вы случайно не катакомбный профессор хирургии? – сделала она неловкую попытку совместить шутку с комплиментом.

¹¹ Русский фунт – приблизительно 400 грамм; 40 фунтов составляли пуд (16 кг).

Слышать эту лесть мне было приятно. Особенно из ее уст, как от человека знающего и много повидавшего. Настроение от хорошо сделанной работы стало приподнятым, восплавленным.

А потом начался дурдом. Впрочем, дурдом как дурдом. Даже где-то образцово-показательный коммунистический дурдом имени Клары Цеткин. Одна из большевистских странностей для меня: если роддом, то имени Крупской, у которой детей не было, а если областная психбольница, то имени Цеткин...

К нам в каретный сарай прибежал сам товарищ Фактор. Лично. Очень сердитый. Орал, будто ему мошонку отдавили. Махал на нас наганом. Обзывал нас с Наталией Васильевной по-всякому, в том числе проявив незаурядное для интеллигента знание русского матерного. Кричал, что мы специально отрезали ноги выдающемуся революционеру ранга Ленина и Троцкого, за что должны понести заслуженную революционную кару. Что с нас с живых шкуру спустить мало. Больше всего его бесило, что мы отрезали товарищу Нахамкесу ноги, не спросив у него на это разрешения. Не у «овоща» Нахамкеса, а именно у комиссара Фактора. И даже тыканье ему в нос отрезанной ногой с явными следами газовой гангрены этого твердолобого дурака не убедили. Большевик, одним словом.

Короче, нас взяли под арест.

Сначала содержали в том же каретном сарае, вместе с товарищем Нахамкесом, которого надо было перевязывать, угощать «уткой», поить с ложечки и все такое прочее. Все как обычно, только часовых приставили.

Нас даже покормили обедом. Борщом с красной свеклой. Перловой кашей с тонкими волокнами мяса. И какой-то кисловатой бурдой, отдаленно напоминавшей взвар из дули¹². Вот же загадка: на воле нас не кормили, а как арестовали, так сразу целый обед. Умом мне товарищей не понять.

А чай мы себе организовали сами. Морковный.

И долго разговаривали друг с другом обо всем на свете, не обращая внимания на кемавивших у входа наших то ли конвоиров, то ли охранников. Скорее конвоиров, так как в дощатый сортир на дворе нас водили по очереди, обязательно под винтовкой с примкнутым штыком.

Вечером товарищ Фактор привел какую-то бабу крестьянского вида, мне незнакомую. Как оказалось, для ухода за товарищем Нахамкесом.

А нас вывели во двор, поставили перед строем красных партизан и зачитали приказ о нашем расстреле за антисемитизм, вредительскую деятельность, саботаж и действия в пользу мировой буржуазии.

Расстрел был назначен на следующее утро. А пока нас заперли вдвоем на сеновале, у которого двери были крепче, чем у каретного сарая, и совсем не было окон.

В абсолютной темноте сарая, пытаясь на ощупь определиться в пространстве, я случайно коснулся рукой Наталии Васильевны и моментально был ею агрессивно зацелован и удушен в объятиях. Словно это легкое касание явилось сигналом к давно ожидаемому действию.

– Что это со мной было, Георгий Дмитриевич? – спросила через полчаса вдовья баронесса громким шепотом, с трудом усмиряя учащенное дыхание.

– Любовь, милая Наталия Васильевна, – ответил так же порывисто и отдышливо. – Может, даже страсть. Взаимная.

¹² Название груши-дички в южных районах России.

– С ума сойти. До сих пор голова кружится. Почему это так? Почему только сегодня? Почему у меня такого наслаждения не было никогда раньше? – вопрошала она даже не меня, а свою судьбу, причем с некоторой обидой за напрасно прожитые годы.

– Потому, милая моя, что сегодня вы отдавались мне без оглядки на что-либо, как последний раз в жизни.

– Но это же не в последний раз было? – спросила она с надеждой.

– До утра еще далеко, – успокоил я ее. – А там, как Бог рассудит.

Как только прошла торопливая отдышка от безумно страстного секса, которого я никак не ожидал от такой вот скромницы, я окончательно уверился, что нынешняя Наталия Васильевна и есть ипостась моей Наташки из видений про Новую Землю. А раз это все – сны, то почему ж не похулиганить? Во сне-то? И нашептал на ухо баронессе, что мы могли бы здорово разнообразить так понравившееся ей занятие, и даже предложил как.

– Георгий Дмитриевич, – возмущенно прошипела мне в ухо баронесса, – что вы такое мне предлагаете? Я порядочная женщина, а не кокотка. Я хоть и медичка, но все-таки не готова к таким половым экспериментам, на которые и не каждая кокотка-то согласится.

Пользуясь тем, что в темноте масляного выражения моего лица не видно, я без зазрения совести продолжил развращать молодую женщину отношением к сексу в третьем тысячелетии.

– Наталия Васильевна, завтра утром нас расстреляют, – привел я неубиваемый резон. – На какой период времени вы желаете отложить свое знакомство с этими, как вы выразились, «половыми экспериментами»?

– Где вы всему этому научились? – прошипела сестра милосердия все так же сердито, но уже заинтересованно.

– Да шатало меня по свету. Одно время у меня даже гарем был из очень развратных женщин. Недолго.

– Простой фельдшер, а какая загадка. – Она потянулась в сладкой истоме. – Тогда, Георгий Дмитриевич, поцелуйте меня... ТАМ. – И тоненько хихикнув, продолжила: – Всю жизнь мечтала о таком наслаждении с мужчиной, а сознаться в этом мужу было очень стыдно, вот и молчала. – И снова прыснула коротким застенчивым смешком.

– Значит, с женщинами такие половые эксперименты вы уже проводили? – не то спросил ее, не то утвердил.

– Экий вы... Все-то вам знать надо, Георгий Дмитриевич. Конечно, проводила. Я же курсистка. А все курсистки делятся на тех, кто вырвался из дома, чтобы пуститься в столицу во все тяжкие, и тех, кто, несмотря ни на какие соблазны, сохраняют себя для мужа. Часто эти последние вскладчину снимают большую квартиру комнат на шесть-семь. Так, кстати, дешевле выходило, чем по отдельности комнаты снимать в мебелированных. И жили там общежитийным монастырем, куда мужчин не допускают ни под каким видом. Мебели вечно не хватало, так что приходилось с кем-то делить койку и... – Тут она замолчала, хмыкнув. Еще раз хмыкнула значительно и договорила: – В общем, сапфические игры в этой среде процветали.

– Вы бестужевка?

– Нет, высшие женские курсы Герье. В Москве, на Девичьем поле.

– Медичка?

– Медичка, только недоучившаяся. Замуж выскочила. А муж получил стипендию Академии наук и уехал в Армению ловить своих любимых жуков. Им к тому времени уже несколько таких коллекций было собрано в Зоологическом музее университета. А я... Где ты, Кай, там и я, твоя Кайя. Ловила жуков вместе с ним. Счастливое было время...

В тесноте сеновала повисла пауза.

– Потом началась война, – продолжила баронесса свое повествование. – Муж собрал окрестных маузеристов¹³ в ополченческую дружину, ушел с ними на турецкий фронт и не вернулся.

Наталия Васильевна замолчала. Я обнял ее за плечи и пододвинул к своей груди. Она прижалась ко мне и продолжила:

– Чтобы не сидеть без дела, я занималась переселением армянских семей с турецкой стороны на Тамань, под Анапу и в Сочи. Они бежали из Турции толпами, бросая все и спасая только жизнь. И проще, как оказалось, переправлять их туда через Грузию и Абхазию или вообще напрямик морем. В личной жизни остались только письма от Саши. Радовалась, наверное, больше его самого, когда его наградили золотым Георгиевским оружием за освобождение Вана. И вообще полковницей жить гораздо приятнее, чем профессоршей, особенно когда идет война. А когда муж погиб, я сама ушла на фронт, но дальше армейского санитарного поезда меня не пустили. А когда Армения от России отделилась, прорвались санитарным поездом сюда через враждебную Грузию, спасибо абхазам – отбили. Но доехали только до Пензы...

Некоторое время на сеновале установилась такая тишина, что стало слышно, как скрипят сапоги нашего часового за стеной сеновала. Потом Наталия Васильевна возмущенно зашипела вполголоса:

– Вы это специально такой разговор завели, чтобы не выполнять мою просьбу?

После такого наезда мне только и осталось явить свой аспект и поднять атрибут.

А в тихом омуте Наталии Васильевны водилось целое стадо чертей. Их стоило только выпустить на волю.

Утром нас, как ни странно, никто не потревожил.

Даже принесли завтрак: хлеб и воду. Хлеба – фунт на двоих и котелок колодезной воды. Вот и все события, не считая оправки в дощатом сортире во дворе. Под прицелом.

Время на сеновале тянулось медленно и как-то тягуче.

Мы молчали, стараясь не говорить о неизбежном. Только Наталия Васильевна, встречаясь со мной взглядом, неожиданно рдела и отводила глаза.

Когда меня вконец достало это напряжение, я попытался развеселить ее армейскими байками. А когда и они не прошли, то откровенно антисоветскими анекдотами про Ленина, Крупскую и Дзержинского, которые выдумали потомки к столетнему юбилею вождя революции. Получилось. Смеялись над ними не только баронесса, но и конвоир за дверью. Тот просто угорал, хотя и понимал не все.

Часам к десяти – часы у меня не отобрали, даже не обыскивали – за нами наконец-то явились товарищи с винтовками числом в пять штук. И одной лопатой. Командовал ими Михалыч с шашкой.

Прямо во дворе управления волостью нас стрелять не стали – повели за околицу, через все село. Напоказ. Видимо в качестве дополнительного устрашения местных обывателей.

Обыватели ничем свое отношение к нашей скорбной процессии не выражали, разве что мне некоторые – из тех, кого я пользовал по медицинской части, – кланялись, прощаясь. Остальные только крестились вслед.

За околицей, недалеко от дороги, на лугу возле плакучей березки уже образовалось маленькое кладбище. Я насчитал восемь могильных холмиков без каких-либо обозначений.

Михалыч мне выдал лопату и приказал копать в этом рядке девятую яму.

¹³ **Маузеристы** – люди, вооруженные маузерами. Боровшиеся с турками партизанские отряды дашнаков в Армении начала XX века.

– Одной на двоих хватит, – ухмыльнулся он при этом глумливо. – Вам не привыкать вместилах лежать.

Да, сплетни по деревне разносятся быстрее скорости звука. Или это мы так ночью от страсти рычали, что все село переполошили? Наталия Васильевна, когда согласилась на «половые эксперименты», любила меня в полный голос, ничем не ограничиваясь в своих порывах. Вот и сейчас ее щеки стыдливо вспыхнули при словах Михалыча. А в глазах бесенята скачут.

Поплевал на ладони и взялся за отполированный черенок лопаты.

Лопата была тупая, и копать ею было трудно.

Да и не было стимула особо стараться на этой работе.

Пока копал, прокачал обстановку. Рядом с нами находился только Михалыч, как смотрящий за земляными работами. А расстрельная команда, пятеро бойцов, стояла в отдалении. Опытные.

Лопата в умелых руках – тоже оружие, но не всегда. До этих пятерых я отсюда и добраться не успею, как свинцом наспигуют.

Вот тут и ляжем с тобой, ненаглядная Наталия Васильевна. В этот пензенский песочек. Жили с тобой мы недолго, но очень счастливо и умрем в один и тот же день. Как в сказке.

Только снял дерн с нашей двуспальной могилки и углубился в землю на штык, как за спиной сипло прогудел клаксон автомобиля.

Оглянувшись, увидел открытый «Руссо-Балт» с колесами на деревянных спицах. В нем в полный рост стоял невысокий, чисто выбритый человек в кожаной куртке, весь перечеркнутый ремнями. На голове его из-под маленькой кожаной фуражки во все стороны вырывались жесткие кудрявые волосы. На околыше фуражки ярко рдела новой эмалью звезда.

Убедившись, что все обратили на него внимание, этот человек выкрикнул:

– Я Лев Мехлис, комиссар запасной бригады, в которую входит ваш полк! Я желаю знать, что тут происходит.

– Расстрел контрреволюционеров и врагов народа, товарищ комиссар, – бойко ответил Михалыч, но воинского приветствия начальству не отдал, хотя и вытянулся в струнку.

– Дайте мне постановление трибунала, – приказал комиссар, требовательно протягивая ладонь.

– Нет никакого постановления, товарищ комиссар, – ответил Михалыч, впрочем, осознавая себя в полном праве, – расстрел производится по приказу товарища Фактора.

– Я отменяю расстрел до заседания Ревтрибунала, – отрезал Мехлис и опустился на сиденье. Потом, повернувшись, добавил: – Ведите этих задержанных в штаб, будем разбираться.

В селе Мехлис, не медля, машиной отправил очнувшегося Нахамкеса в Пензу.

Перед отъездом тот потребовал меня явить пред свои светлые очи. Оказывается, он узрел свои так и неубранные отрезанные ноги в медном тазу в каретном сарае и понял, что ему грозило.

Благодарил.

Вменяемый товарищ.

В ответ я ему не преминул наябедничать, что его ноги были бы совсем целые, если бы товарищ Фактор не расстрелял доктора Болхова. Мне же не оставалось ничего другого, как их ампутировать. Иначе – хана.

– Разберемся, – мрачно сказал Мехлис, стоящий у автомобиля рядом со мной.

– Ты уж разберись как следует, по-партийному, Лев Захарыч, – попросил его товарищ Нахамкес, – без сантиментов.

И подзвав меня к себе, вложил в мои руки кобуру с ремнем.

– Владей, – усмехнулся, – чтоб было чем от контры отстреливаться красному фельдшеру.

И откинулся на подушки заднего сиденья, подставив осеннему солнышку свой небритый подбородок.

Автомобиль взрыкнул мотором и, мешая тяжелую пыль с сизым выхлопом, укатил в сторону губернского центра.

Прошли в каретный сарай, в котором Наталия Васильевна проводила уборку, ведь после вчерашней операции это почему-то никому из товарищей не пришло в голову. Несмотря на то что в том же помещении находился сам товарищ Нахамкес, которого они все ужасно уважали.

Мехлис тут же спросил поднявшуюся с корточек баронессу:

– Вас как зовут?

– Наталия Васильевна Зайцева, – тут же за нее ответил я и сделал женщине страшные глаза из-за плеча комиссара.

Умница все поняла и сделала молчаливый книксен.

– Так вот, товарищи Зайцева и Волынский, – сказал комиссар бригады, – теперь вы мобилизованные бойцы Революционной Красной армии, доказавшие ей свою полезность. Но учтите: дезертиров у нас расстреливают.

После чего круто повернулся и ушел в здание волостного правления. Наверное, с Фактором общаться.

Я положил подаренную Нахамкесом кобуру на стол и, освободив руки, стал помогать сестре милосердия с приборкой, потихоньку ей выговаривая:

– Милая Наталия Васильевна, вопрос категорически серьезный...

Она посмотрела на меня внимательно, ничего не говоря, ожидая продолжения.

– Никогда и нигде не упоминайте того, что вы баронесса. Вы простая сестра милосердия из мещан, ваша фамилия теперь – Зайцева. Если кто и услышал ранее, что вы Зайтц, то посчитает, что попутал. Не так много внимания досталось вам от товарищей. Им в большом селе вдовушек и солдаток хватало. Не говорите никому, что были замужем, тем более – за полковником. Надеюсь, что все это ненадолго и скоро с товарищами мы расстанемся.

– Но ведь комиссар предупредил, что за дезертирство нас расстреляют, – напомнила мне баронесса.

– А сегодня с нами что хотели сделать? Не уживусь я с ними. И вас бросить у них не смогу.

Молодая женщина встала, убрала ведро с мусором к входной двери, вымыла ладони у рукомойника и лишь потом сказала:

– Давайте будем чай пить. Там все и обсудим... – И через паузу добавила, улыбнувшись: – Милый.

– С удовольствием, – ответил я, направляясь к рукомойнику.

Пока Наталия Васильевна готовила морковный чай, я рассмотрел гонорар за лечение от товарища Нахамкеса. Длинная кобура формованной рыжей кожи. Ее откидное крыло крепилось шлейкой, которая продевалась через нашитый кожаный штрипчик и закреплялась в прорезь на медную кобурную кнопку. Надежно закрывает, но, когда требуется скорость выхватывания ствола, может быть критично.

В кобуре был австрийский автоматический пистолет системы Манлихера¹⁴, изящный, как хортая¹⁵. С длинным стволом и неотъемным магазином на десяток патронов. Изогнутая рукоять в руке сидит удобно, как влитая. Дорогая, статусная машинка. Не у каждого австро-

¹⁴ 7,63-мм пистолет системы Манлихера, образца 1905 г. (подробнее – см. Глоссарий).

¹⁵ **Хортая борзая.** Южнорусская порода охотничьих собак. Отличалась от русской псовой борзой гладкой шерстью.

венгерского офицера такая была. Они больше с более дешевыми пистолетами «штайр» или револьверами Гассера бегали. Или с немецкими парабеллумами под гражданский патрон 7,65 миллиметра.

Оттянул затвор и попробовал продавить патрон в магазин – полный, не давится пружина.

На хорошем кожаном ремне с орленой латунной бляхой (орел тоже двуглавый, но несколько другой, чем российский) висело два кожаных длинных и узких подсумка, в которых оказалось по снаряженной обойме к пистолету. Патроны блестели ровненькими бочонками. В каждой обойме было по десять патронов калибра 7,63 миллиметра.

Тридцать патронов – негусто. И брать их тут негде. Может, оттого и подарил товарищ Нахамкес мне эту машинку с барского плеча. Куда ее девать, когда патроны кончатся? Но, как говорится, дареному коню...

Засунул все обратно по подсумкам и в кобуру и опоясался этим ремнем поверх пиджака.

Наталия Васильевна, увидев меня в этом парамилитаристском прикиде, неожиданно прыснула:

– Георгий Дмитриевич, вы сейчас небритый да с этим оружием очень похожи на армянского маузериста.

Я провел ладонью по подбородку. Бриться пора, однако.

– Вы правы, Наталия Васильевна, только с этими арестами да расстрелами и не о таком позабудешь.

И мы дружно засмеялись, радуясь тому, что, несмотря на все, остались живы. И тому, что мы взаимно очень нравимся друг другу.

Потом прикатила комиссарская машина из Пензы, та, что отвозила в госпиталь Нахамкеса. В ней, если не считать постоянного водителя Мехлиса, приехало трио новых персонажей. Все как один – в английских шоферских кожанках и справных хромовых сапогах. Громко протопав по крыльцу, они скрылись в здании волостной управы, хлопнув входной дверью.

Я их заценил, когда ходил мусор выкидывать на помойку. Под конвоем, естественно. Меня под конвоем теперь и гадить водят.

Потом по нашим охранникам пронесся шелест, которым они сразу же поделились с охраняемыми, то есть с нами:

– Ревтрибунал бригады приехал. В полном составе. Что-то будет...

Что будет? Что будет, то и будет. Нечего гадать понапрасну, когда нас снова перевели на отсидку на сеновал, отобрав оружие. Кстати, Наталия Васильевна была этим обстоятельством очень даже довольна.

– Господь нам еще ночку подарил, милый мой Георгий Васильевич, – мечтательно сказала она, укладывая голову на мои колени. – И это просто замечательно, – добавила сестра милосердия, глядя мне прямо в глаза. – Хоть умру удовлетворенной.

А когда я стал через ткань ласкать ее грудь и живот, то просто замурлыкала. На большее мы благоразумно не посягнули – все же в любой момент нас могли вызвать на судилище. Да и светлый день на дворе. Но нам и так было хорошо и радостно. И плевать на всю революцию, что кружила вокруг.

В трибунал нас выдергивали поодиночке.

Ненадолго.

Все действие разворачивалось в зале волостного правления. Судьи, сидя в ряд, как вороны на жердочке, задали по пятку дежурных вопросов и велели отвести обратно на сеновал.

Даже ужин принесли туда же. Пшеничную кашу и плохо заваренный морковный чай.

Даже обидно как-то стало. Ожидал судилища. Инквизиции. Казуистики и пропаганды. Накала эмоций. Ужасных обвинений, наконец. Но все было очень и очень буднично и как-то серо. Никакого праздника. Так ведь и расстреляют нас товарищи между делом, походя, без эмоций.

Но несмотря ни на что, жизнь продолжалась. А темным вечером удалось у охраны выцыганить лишних два котелка теплой воды для гигиены мест совместного пользования. А там и ночь подошла.

Ох и оторвались мы «половыми экспериментами» с бешеным восторгом чувств...

Как в последний раз.

Утром, до самого завтрака, нас никто не будил.

Потом охранники принесли нам один на двоих котелок сарацинского пшена, сваренного на парном молоке. И голого кипятку вместо чая.

Не успели эту кашу съесть, как явился старый знакомец Михалыч. В его внешнем облике произошли перемены. На его ногах, сверкая втертым маслом, красовались шнурованные сапоги товарища Фактора.

Вот так вот.

Мы невольно подобрались, ожидая худшего. Но Михалыч пришел один и без лопаты.

– Так, фершал, на выход, к товарищу Мехлису, – лениво произнес красный воин, прислонившись к косяку входной двери.

За его спиной солнце ярко заливало осенним теплом двор волостного правления. Даже сумрак сеновала стал разреженным.

Поцеловав Наталию Васильевну в губы, я поднялся и пошел наружу.

По двору, кружась, летали первые желтые листочки этой осени.

– Товарищ Волынский, вы справитесь с передовым перевязочным пунктом полка?

Мехлис собран и деловит. И смотрит на меня не как солдат на вошь, а как человек на человека. В корне отличное от товарища Фактора отношение к людям. Однако и общее между ними есть. Эта фраза его прозвучала вместо извинений. Новая власть не извиняется. Или извиняется, предлагая должность. Коллежского асессора¹⁶, между прочим, должность.

– Это должность врача, – возразил я комиссару, – а я только фельдшер без классного чина.

– Нет у нас столько врачей, – устало сказал Мехлис, усаживаясь за стол. – Фактор в расход вывел, сволочь.

– А с какой формулировкой вы самого Фактора в расход вывели? – задал я наглый вопрос.

Но Мехлис на него охотно ответил:

– За саботаж и вредительство делу Революции. У меня в бригадном госпитале нештат врачей, а он четверых в распыл. Докторов! С военным опытом! Вы понимаете, что это значит? Впрочем, именно вы и понимаете. И вел он себя совсем не по-большевистски. Нашел виновного – расстреляй, но унижать человеческое достоинство не смей! Не для того революцию делали, чтоб новые бары появились – с партбилетом.

¹⁶ **Коллежский асессор** – чин восьмого класса по Табели о рангах Российской империи, равный армейскому майору, после 1884 г. – капитану.

Комиссар замолчал. Посопел еще, как породистый конь, и резко спросил:

– Беретесь?

– А товарищ Зайцева? – спросил я о главном.

– С вами, с вами будет ваша разлюбезная товарищ Зайцева, – заверил меня комиссар бригады, широко улыбаясь и задорно подмигивая.

– Тогда берусь, – сказал твердо.

– Вот и хорошо, товарищ Волынский, – констатировал Мехлис. – Вот и хорошо. Как в нашем гимне поется: «Кто был ничем, тот станет всем». Это и про вас тоже, товарищ Волынский. Это про всех нас. – Он открыл ящик стола и вынул оттуда мою рыжую кобуру с «манлихером» и стукнул ею по столешнице. – Это ваше. Забирайте. – Потом пододвинул лист бумаги: – Вот записка к интенданту полка, чтобы вас нормально обмундировали. Все же вы теперь командир полкового уровня. Ну и прочее, что перевязочному пункту потребно, получите. – Потом пододвинул к себе еще один и лист с машинописным текстом и размашисто его подписал. – А это приказ о назначении вас начальником передового перевязочного пункта полка.

Надо же. Все просчитал комиссар и даже мандаты заранее заготовил. Организатор!

– Какие еще пожелания будут? – спросил Мехлис.

– Документы о мобилизации, – выдохнул я.

– У полкового писаря, – махнул комиссар большим пальцем за плечо в стенку.

А я продолжал выбивать из комиссара возможные ништяки, пока такая пруха:

– Домой бы съездить на несколько дней. Все же, когда меня принудительно забирали, даже избу не дали запереть. Да и законный брак оформить надо. Здесь-то церковь закрыли.

– Зачем вам церковь? – удивился Мехлис. – Распишут вас в отделе гражданских состояний волости и справку на руки дадут. Вот вам и законный революционный брак.

– Мне-то все равно, товарищ комиссар, но вот женщине... Сами понимаете. Отсталый элемент. Им аналой подавай и венчание. Чтоб красиво было.

– Да. – Комиссар слегка постучал кулаком по зеленому сукну стола. – Воспитывать и воспитывать нам еще население в коммунистическом духе. И за год-два эту глыбу нам с места не сдвинуть. Хорошо. Трех дней хватит? Пока я здесь, в Лятошиновке, задержусь. Потом отвезу вас в Пензу на автомобиле, там получите лошадей, ездовых, двуколку, телеги, несколько обученных санитаров и сестер милосердия от госпиталя. Из фармакопеи еще там по мелочи.

Мехлис смотрел мне прямо в глаза.

– Хватит трех дней, товарищ комиссар. – Я еле-еле сдержался, чтобы не зареветь от охватившей меня радости.

– Когда мы вне строя, зови меня по имени-отчеству: Лев Захарович. – И Мехлис протянул мне ладонь для пожатия.

Без проблем оформил у полкового писаря мобилизационные листки и на себя, и на Наталию Васильевну Зайцеву, мещанку города Гродно, девицу рождения 1893 года, православного вероисповедания. С Гродно это очень удачно вышло. Там сейчас после Брестского сепаратного мира немцы стоят. Даже если очень захотеть, ничего из наших палестин по архивам не проверить. Руки коротки. И врать нам не придется лишнего. Монах Оккам предупреждал, что не стоит множить сущности сверх меры. Вот и мы не будем. Тот же не к ночи помянутый Геббельс говаривал, что лучшая ложь делается из полуправды. А он в этом признанный мастер был.

Потом я потребовал у писаря мандат на новую должность согласно приказу. Типа приказ себе оставь, а мне удостоверение с полковой печатью выправь, что я начальник передового перевязочного пункта полка. Как оно вообще и полагается.

Но тут писарь повел себя странно. Поначалу категорически не хотел ничего мне выдавать, не объясняя причин. Потом выдвигал какие-то невнятные препоны. Но под моим напором сдался быстро. Все же они, прашуры наши, на предмет взять на горло слабоваты перед потомками будут. Квалификация не та. Не жили они при социализме. В итоге даже несколько униженно писарь попросил товарища начальника пепепупо – меня то бишь, так товарищи мою новую должность бюрократически сократили – «сей момент» обождать, пока он у комиссара справится насчет выдачи мандата.

– А то тут такие вещи творятся, что не знаешь, за что и хвататься, чтобы к стенке не встать. – И добавил тихо, доверительно так: – Ревтрибунал второй день лютует. Самого товарища Фактора расстреляли.

– Вот и метнулся мухой! Пока тебя самого за саботаж не привлекли, – прикрикнул я на него напоследок.

Писарь оторвал свой толстый зад от табуретки и довольно борзо для своей комплекции выскочил в коридор. Даже печать на столе забыл.

А вот это он зря сделал. Я тут же проштемпелевал пару стандартных машинописных листов и положил печать на место. А листочки попросил Наталию Васильевну быстро спрятать у себя. Думал, она просто их на грудь под передник засунет, а у нее там целый карман внутренний оказался. Весьма удачно для нас получилось.

– Георгий Дмитриевич, – тихо прошептала милосердная сестра, торопливо пряча в карман сложенные листки, – зачем они вам?

– Ну, мало ли? Лишними точно не будут. Для нас, – заверил ее в правильности своих действий.

А тут и писарь заглянул. Попросил «обождать еще минутку», пока машинист¹⁷ мандат напечатает и новый командир полка его подпишет.

После получения мандата – мощной бумаги с угловым штампом и круглой печатью – я почувствовал себя намного уверенней и легкой трусцой потащил Наталию Васильевну на другой конец села к интенданту – прибарахляться. А то холода уже на носу, а «у тебя нет теплого платочка, у меня нет зимнего пальта».

Под хозяйство полкового интенданта приспособили на окраине села ригу и какие-то капитальные амбары, забитые разнообразным барахлом под стрехи. Что же у них красноармейцы-то ходят как нищелюды при таком богатстве?

Попытки полкового интенданта, толстого короткого и кривоногого мужичонки с фамилией Шапиро и роскошными гитлеровскими усами (вроде они пока тут английскими называются), втюхать мне, «как большому начальнику», тонкие генеральские сапоги со встроченным в шов китовым усом успехом не увенчались. Я вытребовал себе нормальные юфтевые сапоги нижнего чина, даже не по наряду, а на обмен. Оставил ему свои просящие каши дерьмодавы. Моя наглость, подкреплённая подписью «ужасного» Мехлиса, которого тут все начальство полка за сутки успело забояться до икоты, принесла обильные плоды. Так что жаба моя была довольна.

Кроме сапог я за полчаса стал обладателем хороших диагональных галифе по размеру, практически новых с высоким поясом под грудь. Синего цвета с малиновым кантом. И коричневого френча – русского самопала под фирменный бритиш, но приличного сукна и хорошего пошива. А также большой полевой фуражки казачьего образца, распяленной на деревянную пружину. Ее я брать не хотел, но ничего другого на мою большую голову не нашлось, даже папахи. Нашел он мне в своих закромах вместо генеральской шинели с «рево-

¹⁷ В десятилетия – двадцатые годы XX века профессия машиниста пишущей машинки была мужской. Только в конце двадцатых женщины в СССР отжали мужчин от «ундервудов».

люционными» отворотами¹⁸, от которой я категорически отказался (шлепнут еще сторонние товарищи, не разобравшись), некое подобие двубортного шоферского бушлата серого касторового сукна. Чуть широковат бушлат оказался в плечах, но это несмертельно. Особенно по нашим дефицитным временам. Довершила мое преображение командирская планшетка с целлулоидным отделением под карту.

Напоследок Шапиро попытался мне всучить «в знак уважения» еще пехотный кортик с «клюквой»¹⁹. Но это не для меня. Вместо холодного оружия заставил его найти у себя в глубинах амбара хирургический набор (шикарный набор оказался, немецкий, из нержавеющей стали в отдельном ранце-несессере) и разного перевязочного материала, йода и перекиси водорода, которых тут оказалось очень и очень богато. Что ж они его на товарища Нахамкеса-то пожадowali? Мы ж его чуть ли не стиранными портянками бинтовали. Вот не пойму их логики, хоть убей!

Поиски подходящей одежды для Наталии Васильевны прошли намного дольше. Все же тут мужской гардероб в основном, и размеры совсем другие, хотя сестра милосердия – девушка высокая и видная. А вот ножка у нее маленькая.

Стремительный Шапиро молнией метался между штабелями, ящиками, сундуками и просто узлами; казалось, знал все, что и где у него лежит, но каждый раз это был кайф предпоследнего варианта решения.

В итоге этих метаний интенданта Наталия Васильевна оказалась обладательницей краповых «революционных» шаровар²⁰, снятых с какого-то гусарского унтера. И гусарских же ботинок²¹ с короткими серебряными шпорами. Защитного цвета шерстяной гимнастерки-косоворотки, которую милосердная сестра согласилась ушить сама, при обеспечении ее нитками и иголками (и этот дефицит ей тут же был интендантом выдан!). И шикарной темно-лиловой венгерки из французского драп-ратина с черными бранденбурами шелкового шнура. На черном каракуле в комплекте с каракулевым же картузом. Черная юбка тонкого сукна к этому костюму нашлась почему-то в соседнем амбаре. И одно хорошее шерстяное платье с глухим воротом. (Это все не иначе с какой-то барской усадьбы грабленое тряпье.)

– Вы совсем будете, барышня, как кавалерист-девица Дурова, – сделал интендант неловкий комплимент, принеся к охотничьему костюму юбку и кавказский тонкий пояс с серебряным набором.

Выдал он нам также нужных размеров исподнего мужского, нового, по две пары на нос, и льняной бязи на портянки. Мятного зубного порошка фабрики Маевского в жестяных банках. Хозяйственного и земляничного мыла. И медицинского спирта две ведерные бутылки в камышовой оплетке.

С последним интенданта расставаться мучила жаба. Крепко мучила. Но отказать бумаге с подписью Мехлиса он не осмелился.

– Моисей Шлемович, – предложил я ему вполголоса, – куда нам сейчас тащить обе бутылки? Да и на чем?

И внимательно посмотрел ему в глаза.

Интендант почесал за ухом, мотнул головой и согласился со мной, что в двуколку все не влезет.

– Вот и я о том же, – продолжал рассуждать. – Одну бутылку мы пока оставим у вас. Мало ли что случиться может в этом каретном сарае, в котором сейчас перевязочный пункт?

¹⁸ Генеральская шинель в Русской императорской армии шилась на красной подкладке.

¹⁹ «Клюковка» (сленг) – знак ордена святой Анны 4-й степени, выдаваемый за храбрость офицерам, прикреплялся на эфес холодного оружия. Имела красный темляк. Часто была первой офицерской наградой.

²⁰ Полевая форма гусар Русской императорской армии состояла из зеленого верха, красного низа (шаровары, галифе) и красной фуражки, в отличие от остальных родов войск, у которых были штаны синего цвета.

²¹ Ботинки – короткие гусарские сапоги.

Лучше вы нам саквояж подыщите под нашу старую одежду. И прикажите запрягать санитарную двуколку.

– Вы совершенно правы, Георгий Васильевич. – Интендант даже руки потер, как муха перед обедом. Никак в предвкушении удачных гешефтов со спиртом в период сухого закона. Я же ему сразу за две бутылки в складском талмуде расписался. – Сейчас распорядюсь насчет двуколки. Ее сразу к вашему подразделению приписать или с возвратом?

– Лучше сразу. Она же и так нам положена.

– Таки да, – согласился интендант.

Пока мы с Шапиро носились по амбарам, пока запрягали в нашу двуколку красивую рыжую кобылку с тонкими ногами, пока нам выделялся из личных закровов интенданта объемный американский сак, Наталия Васильевна успела пошить две нарукавные повязки белые с красным крестиком посередине. На завязках.

Переоделись в обноры мы там же, в амбаре. И повязки нацепили на левые руки. Наталия Васильевна лишь картуз надевать не стала, обошлась косынкой сестры милосердия. В неушитом вороте гимнастерки ее шейка стала похожа на гусенка, поэтому венгерку она на плечи накинула.

Я же не преминул подпоясать френч австрийским ремнем с «манлихером».

Погрузили все в двуколку и, тепло простившись с испуганно-заботливым интендантом, не торопясь покатали к волостному управлению. К обжитыми уже нами каретному сараю и сеновалу.

Заезжая во двор волостного правления, мы неаккуратно столкнулись с Мехлисом, который ловко перехватил нашу лошадь под уздцы, слегка отскочив в сторону. А то бы мог не отделаться легким испугом при столкновении с гужевым транспортом. Лечи его потом. А отпуск?

– Вижу, обживаете свое подразделение, товарищ начальник пепепупо? Похвальная деловитость. – Комиссар нам задорно подмигнул.

– Лев Захарыч, хоть ты бы не смеялся над моей должностью, – с укоризной ответил ему с высоты двуколки.

– Все, больше не буду, – улыбнулся комиссар, ласково поглаживая лошадиную морду. – Хорошая кобылка, справная. Интересно, за что так полюбил вас Шапиро, что англазированного дончака вам в оглобли отдал?

Я сделал удивленное лицо и развел в стороны руки. Типа знать ничего не знаю и ведать не ведаю.

А Мехлис уже переменял тему:

– Чаем меня угостите в качестве компенсации за наезд?

– С удовольствием, – подмигнул я Наталии Васильевне. – Только у нас чай особый, революционный – бээсбэзе.

– Не понял. – Мехлис действительно выглядел озадаченным. – Какое бэзе?

Тут я откровенно расхохотался:

– Это означает, что чай «без сахара и без заварки».

Вылез из двуколки сам и подал руку милосердной сестре, помогая той выбраться на твердый грунт. Потом, взяв лошадь за уздцы с другой стороны от комиссара, повел ее с повозкой к каретному сараю. Мехлис пошел со мной, так как все еще держался за недоуздок.

– Уел, трубка клистирная. Отомстил за пепепупо, – констатировал комиссар. – Веселый ты человек, Георгий Дмитриевич, как я посмотрю.

И не понять – то ли в похвалу это мне, то ли в упрек.

– А чего унывать, – поглядел я ему в глаза прямо, – уныние есть смертный грех, как попы учили. Что наши, что ваши.

– Наши попы называются раввинами, – возразил Мехлис, помогая мне открывать дверь в конюшню.

– Это мне монопенисуально.

Я сбил фуражку на затылок и стал выпрягать кобылу из двуколки.

– Георгий Дмитриевич, так кипяток ставить? – подала голос Наталия Васильевна из ворот каретного сарая.

– Всенепременно, – обернулся я к ней, – как же мы комиссара без чая оставим? Да еще в присутствии Ревтрибунала в расположении части. Это будет крайне неосмотрительно с нашей стороны. Могут заподозрить в контрреволюции.

Смеялись уже втроем. Здорово, когда начальство шутки понимает. Хуже, когда оно такое, как товарищ Фактор со всей революционной и очень серьезной тупостью.

А еще за это время я подумал, что можно так вот запросто спалиться лексиконом двадцать первого века. Как два пальца об асфальт. Ну, вот... Теперь за губой следить надо. И базар фильтровать. Как штандартенфюреру Штирлицу, который пока где-то в Красной армии на посылках бегает как Максимка Исаев.

Мехлис, обождав, пока сестра милосердия скроется в каретном сарае, задал вопрос:

– Так что за слово вы последним употребили про раввинов?

Ого! Начальство перешло с «ты» на «вы». Плохой признак. Посмотрел в светлые честные глаза комиссара и ответил:

– Я сказал, что мне, как свободному от религии человеку, что поп, что раввин – монопенисуально, – последнее слова сказал по слогам, для особо одаренных.

– погоди, сам догадаюсь, – сказал комиссар, закатывая зрачки под брови.

Красиво думает. Видать, наш комиссар головоломки любит: сканворды всякие, ребусы, ментаграммы. Тем временем Мехлис потер ладонью подбородок, пару раз кивнул кудрями и промолвил с некоторой растяжкой слов, как будто не совсем был уверен в сказанном:

– Моно – это по-гречески один. Помню. Или по-древнегречески... Могу и попутать: в классической гимназии не учился, а в коммерческом училище этот язык не преподавали. А пенис по-латыни будет... – Тут он весело расхохотался, не договорив фразы. Открыто так засмеялся, залиvisto. – От, медицина... – В восторге комиссар, присев, ударил себя ладонями по ляжкам. – Даже мат у вас латинско-древнегреческий. Но и старого взводного фейерверкера²² тебе с панталыку не сбить, – погрозил он мне пальцем.

Я в это время закончил выпрягать кобылу и стал заводить ее в конюшню.

– Ладно, Георгий Дмитриевич, обихаживай кобылу не торопясь, я скоро к вам загляну, – крикнул мне вслед комиссар. – Посмотрю, как устроились.

– Как это понимать? – спросила меня Наталия Васильевна, когда я вернулся в каретный сарай.

– Что понимать? – не понял я вопроса.

– Эти заигрывания комиссара с нами.

– Перетерпим, милая. Надо перетерпеть. Ты только помни, о чем ты не должна говорить. Ни при каких условиях.

– Я помню, – заверила она меня. – Я не баронесса. У меня не было мужа полковника. И вообще я мещанка необразованная со смешной фамилией Зайцева.

По ее щекам потекли невольные слезы.

Обняв расстроенную женщину, сказал:

²² **Взводный фейерверкер** – унтер-офицерский чин в артиллерии Русской императорской армии. Командир орудейного взвода. Равен современному сержанту.

– Любимая, так надо. Так надо для того, чтобы ты выжила в этой мясорубке, в которую превращается Россия. И все это очень и очень серьезно. Вопрос жизни или смерти. Я тоже обеспокоен поведением комиссара, но отказать ему от дома не можем. Здесь он наша единственная защита. ПОКА мы здесь.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – сказала она и спрятала лицо у меня на груди, когда я собрался губами осушить ее слезинки.

Потом мы молчали, стоя обнявшись, даря друг другу свое тепло.

Мехлис пришел в каретный сарай через двадцать минут, когда и кобыла была обхожена, напоена и угощена копной свежего сена, и кипяток был уже готов, и Наташа плакать перестала. Он принес с собой цибик²³ черного байхового чая. Цейлонского. В красивой жестяной коробочке Товарищества чайной торговли и складов «Медведев М. П. и наследники». И горсть мелко колотого сахара в синем бумажном фунтике.

– Это вам мой подарок на свадьбу, – сказал комиссар, вываливая это богатство на стол. – Чем богат...

Наталия Васильевна подняла на меня круглые, ничего не понимающие глаза, с трудом удержала готовую упасть на пол челюсть, но промолчала. Умница моя.

Надо было резко менять тему. Что я и сделал, ни секунды не медля.

– Вот сейчас, Лев Захарыч, мы ваши подарки с нашим удовольствием и опробуем, – постарался придать своему голосу торжественное выражение.

И тут же повернулся к Наталии Васильевне.

– Милая, возьмешь на себя труд по заварке этого божественного напитка?

– Конечно, милый, – ответила она немного странным голосом.

Хорошо хоть улыбается.

Мехлис, слава богу, нашего тихого скандала не заметил. Тем более что я тут же загрузил его другой проблемой:

– Лев Захарыч, что-то все же надо делать с названием моей должности. При нынешней революционной моде все вокруг сокращать до начальных слогов уж очень смешна она на слух.

– Согласен, – ответил комиссар, – но в штате полка именно так твоя должность и прописана. И в старой армии она так же называлась.

– А для чего мы революцию делали? – спросил я его в лоб. – Для чего пели «до основанья, а затем мы наш мы новый мир построим»?

– Вижу, у вас уже есть решение этого вопроса, – констатировал Мехлис.

– Есть, – ответил ему, – переименовать эту должность в начальника медицинской службы полка.

– И таким образом поднять ее в классе с коллежского асессора до надворного советника²⁴, – засмеялся комиссар.

– При чем тут старые чины, которые уже почти год как отменили? – сделал я удивленное лицо. – Весь вопрос в том, что мне крайне не нравится, когда меня называют пепепупо.

– Ну вы еще не в худшем положении. Вон у Троцкого в Реввоенсовете появился в помощниках замкомпоморде, и то ничего. Не жалуется, – улыбнулся Мехлис.

– Кто-кто? – вмешалась в наш разговор Наталия Васильевна.

– Заместитель командующего по морскому делу, – ответил ей Мехлис, кивнув своими кудрями. – Сокращенно: замкомпоморде. Это еще что... Как вам, Наталия Васильевна, нравится такая организация, как Чеквалап?

²³ **Цибик** – 1. Караванный вьючный деревянный ящик, покрытый воском и обшитый кожей, для перевозки чая весом до 2 пудов (32 кг). Ребро такого ящика около 60 см. 2. Розничная фабричная упаковка чая, пачка весом 50 грамм. Именно она и подразумевается в тексте.

²⁴ **Надворный советник** – гражданский чин седьмого класса Табели о рангах, равный армейскому подполковнику.

Наташа удивленно открыла рот, потом сказала:

– Даже догадаться не могу, что может за этим скрываться.

– Не буду вас томить, – ответил Мехлис, – это всего лишь Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей при Совнарком.

– А лапти зачем? – пришел и мой черед удивляться.

– По новой военной форме Красной армии рядовым в пехоте положены кожаные лапти, по типу малороссийских чеботов. На сапоги кожи не хватает, на ботинки – квалифицированных сапожников, – удовлетворил комиссар мое любопытство. – Вот таким образом и вышли из положения. Как я сам уже понял: при любых потрясениях обувь – самое узкое место в снабжении.

Наталия Васильевна тем временем разлила по кружкам восхитительно ароматный чай, который и на вкус оказался дореволюционного качества. В двадцать первом веке секрет изготовления такого чая был уже утерян.

Пили по-крестьянски, вприкуску. Зажимаешь между зубами кусочек колотого сахара и протягиваешь сквозь него чай. Без странных звуков не обходилось. Чувствовалось, что все мы трое так чай с детства пить не привыкли. Что если и пили с сахаром, то внакладку. Но в данном случае это было бы слишком транжиристо.

– Только блюдечка нам не хватает для полного счастья, – заявила сестра милосердия, явно пытаясь пошутить.

– С блюдечка будет по-купечески, – возразил я ей. – В наше время такая манера питья чая может быть рассмотрена как контрреволюционная. Тем более в присутствии комиссара бригады и большевика.

Мехлис оторвался от кружки и заметил:

– Ехидный ты мужик, Георгий Дмитриевич. Тяжело тебе будет по жизни. Хорошо ты на меня наварлся – я шесть лет артиллеристами командовал. А многие, те, что из босяков в командиры вышли, относятся к своим должностям ох как серьезно, шуток не понимают, да и обидчивы чрезмерно. Ты это учти на будущее. Кстати, ты так и не сказал, зачем потребовалось перекрестить свою должность? Уже немного зная тебя, я подозреваю, что в этом предложении есть и второе дно.

С сожалением я поставил кружку на стол – там оставалось больше половины душистого напитка – и внес предложение:

– В первую очередь чтобы среди бойцов было уважение к должности. А какое уважение к пепепупо?

– А начмедслуп, по-твоему, уважения вызовет больше? – ехидно улыбнулся Мехлис.

– Нет, – возразил ему. – Сокращать надо просто и ясно: начмед полка, начмед бригады и тому подобное.

– В функциях тогда должны быть изменения, – предположил комиссар.

– Конечно, Лев Захарыч, – заверил его, – как же без изменений. Революция – это всегда изменения. И должны они быть только в лучшую сторону. Я предлагаю кроме руководства перевязочным пунктом взять на себя также санитарное состояние в ротах. Для чего отобрать по одному грамотному бойцу и обучить его на санитарного инструктора роты. А для того чтобы это эффективно продвинуть, то дать ему командирские полномочия наказывать нерадивых. Конечно, полномочия эти ограничены исполнениями обязанностей по санитарному надзору за ротной кухней, отхожими местами и гигиеной личного состава. Иначе мы все быстро завширеем и скатимся к эпидемии тифа в ротах. А оно нам надо?

– Добро, – согласился комиссар. – После отпуска докладную записку мне на стол. Такое начинание надо распространить на всю армию. А пока держите, – Мехлис вынул из кармана два листка бумаги, – это ваши отпускные свидетельства. На четвертый день жду вас тут в полдень. Работы ты мне прибавил, товарищ начмед. Но справимся. Должны справиться. И

полномочия тебе дадим драконовские. Вплоть до привлечения нерадивых командиров к суду Ревтрибунала. А то анархисты какие-то из этих красных партизан, а не большевики.

Когда наша двуколка неторопливо отъехала от Лятошиновки за версту, Наталия Васильевна, которая всю дорогу таинственно молчала, вдруг громко зашипела:

– И что это значит, Георгий Дмитриевич?

– Ты это о чем, милая? – улыбнулся ей.

Какая же она красивая. Особенно когда сердится. Век бы сердил и любовался, как она мурзится.

– О свадебных подарках комиссара. Может, объяснишь, что это значит?

Сделал морду ящиком и спокойно ответил:

– Три дня отпуска, милая Наталия Васильевна, нам даны командованием бригады на совершение обряда венчания, каковой и состоится в селе Зубриловка, в которое мы и едем.

– То-то я смотрю, ты с собой бутылку спирта прихватил. Мужиков на свадьбе поить?

– Не без этого, любимая. Не только мужиков, но и их баб. Традиции в мелочах нарушать не следует тому, кто собирается нарушить их глобально.

А вокруг осень уже властно вступала в свои права. Для средней полосы России начиналась самое живописное время года. Лишь дубы пока сохраняли зеленый лист. Все остальные деревья и кусты радовали глаз желто-красной гаммой цвета от лимонного до темно-бордового оттенков увядания. К тому же погоды стояли изумительные. Солнечные и еще теплые. Бабье лето.

– Но как венчаться, если ты мне даже предложения не сделал? – обиженно заявила баронесса.

– Это и будет, любимая, первым нарушением отживших традиций. Свадьба без обручения. Кстати, ты баню топить умеешь?

– Баню? Какую баню? – не поняла меня Наталия Васильевна.

– Самую обыкновенную, деревенскую каменку.

– Зачем? – удивилась она.

– Ну, хоть перед свадьбой-то помыться надо. Не идти же к венцу с запашком каретного сарая. Батюшка не поймет-с, – ухмыльнулся я.

– Вот тебе, противный. – Баронесса стукнула меня по плечу кулачком, совсем как когда-то Наташка из «путанабуса».

Реинкарнация. Не иначе. Вон как ноздри раздулись. Точно как у Наташки перед нападением албанцев в «Ковчеге», когда девчата по жребью запихнули ее в мой номер.

– Так ты еще смеяться надо мной будешь? – взвизгнула милосердная сестра. – Тогда еще получи! – И снова мне кулаком по плечу. И по шее.

– Люблю, когда ты сердисься, – улыбнулся я женщине.

– Тогда обойдешься без сладкого. – Баронесса отодвинулась, надула губки и засунула ладони под мышки. – И никакой койки до свадьбы!

На что я только хмыкнул и подстегнул вожжами кобылку. Молодая еще Наталия. Отлучалка пока не выросла.

Кобыла, рванув повозку, пошла ровной широкой рысью, и скорость двуколки существенно приросла.

Наталия Васильевна, враз раздумав на меня сердиться, привалилась к моему плечу и восхищенно залепетала:

– Прелестная у вас тут природа. Почти как у нас в Черной Руси. «Короче становился день. Лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась». Любите Пушкина?

– А кто его не любит, – ответил ей серьезно, – Пушкин – это наше все.

– Как здорово это вы сказали. Действительно, он наше все. К сожалению, все, что осталось от старого мира...

– Я думаю, что товарищи еще попытаются «сбросить Пушкина с корабля современности». Но этого у них не выйдет. Не справятся товарищи с Пушкиным. Калибр не тот.

– А зачем они будут отказываться от Пушкина? – возразила мне Наталия Васильевна. – Какая глупость!

– Затем, что он аристократ, крепостник, помещик, камер-юнкер и ездил в гости к царю. Разве этого мало, чтобы объявить его врагом народа? И за меньшее сейчас товарищи к стенке ставят.

– А как же русская культура? – удивилась баронесса.

– Русская культура для товарищей – всего лишь орудие великодержавного русского шовинизма в угнетении национальных меньшинств. У них своя культура будет насаждаться – пролетарская. Пролеткульт, не к ночи будь помянут.

Но судьбы культуры милосердную сестру волновали гораздо меньше, чем ее собственная судьба.

– Георгий Дмитриевич, скажите правду: зачем вам нужна эта свадьба? Я же вдова. Свободная женщина. Все, что вы хотите от меня, вы и так имеете. Даже больше...

– Эта свадьба нужна для того, чтобы на вас, разлюбезная моя Наталия Васильевна, не упал топор этой кровавой революции при любом исходе моей судьбы, – пояснил я ей свои резоны. – Так мы уберем баронессу в туман войны. А замуж за разночинца Волынского пойдет мещанка Зайцева. О чем отец Мельхиседек вам выдаст выписку из метрической книги нашего прихода. На основании справки о мобилизации Наталии Зайцевой в Красную армию. Вместе с этой справкой такая метрика – это ваш мандатный базис на будущее, если судьба заставит остаться на территориях, подконтрольных товарищам. Бюрократию большевики разведут такую, что царским чиновникам даже не снилась. Все, что Салтыков-Щедрин писал как юмор, будет реальностью. И жизнь настанет такая, что без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек.

– А вам самому что это дает? – теребила она меня на какие-то особые признания.

Не стал ее разочаровывать и сказал правду:

– Я просто буду мужем красивой женщины. Любимой женщины! Разве этого мало? Так как насчет баньки?

– Все я умею, – пробурчала баронесса, – даже коров доить. Война всему научит...

А сама улыбается до ямочек на щеках, и глаза шальные.

Двенадцать верст дороги резвой рысью пролетели быстро. Хорошую кобылку нам сосватал интендант Шапиро.

Припомнив, что ключи от дома у Трифона, уже в селе сразу свернул на соседнюю улицу к его подворью.

На нашу удачу, хозяин был на своем дворе и с характерным хеканьем долбил колуном по свежим срезам березовых чурбаков. А его младшие сыновья, погодки десяти и одиннадцати лет, на подхвате таскали колотые дрова и укладывали их в большую поленницу. По виду поленницы дров для растопки Трифонову семейству должно хватить на две зимы. Не меньше.

Сам Трифон был одет в расхристанную, без опояски кумачовую косоворотку с закатанными рукавами, штаны заправлены в высокие шерстяные носки, на ногах – опорки от сапог. Из-под войлочного шляпка на его лоб обильно струился пот.

– Бог в помощь, Триш, – крикнул ему через забор. – Я смотрю, ты скоро Стоянова переплюнешь по количеству дров.

Неизвестно какими судьбами заброшенный в наше село болгарин Стоянов был притчей во языцех, как самый справный и запасливый хозяин в округе.

– Его переплюнешь, куркуля. – Трифон с облегчением положил колун на колоду – появился повод законно сачкануть – и пошел открывать нам ворота, по пути распиная ногами пестрых кур. – У него вокруг двора уже крепость цельная из дров сложена: хошь из пушки его шибай!

Трифон потянул половинку ворот и натугой стал ее открывать. Ворота у справного хозяина не скрипели, петли были вовремя смазаны дегтем.

– Заезжай, – скомандовал он, открывая настежь вторую створку ворот.

Мы не преминули воспользоваться любезным приглашением и послали лошадь во двор. Не на улице же нам отсвечивать полковым богатством.

– Ну, здорова, Митрич, – широко распахнув объятия, залапал меня мужик, стуча по спине, как только я слез с двуколки. – Рад видеть целой тушкой. А то я уж тя похоронил грешным делом. И свечку за упокой в церкви поставил, и отпевание отцу Мельхиседеку заказал. Сказывали лятошиновские бабы, что стрельнули тебя товарищи в другой день.

– Нашел кому верить – лятошиновским бабам! – засмеялся я произвольно. – Не дождетесь! Вот, знакомьтесь. Это Трифон Кузьмич Евдокимов – суровый артиллерист, хозяин и надежный глава большого семейства. А это моя невеста – Наталия Васильевна.

Баронесса, сидя в двуколке, вежливо ему поклонилась одной головой.

– Доброго вам здравичка, – поклонился мужик в ответ и, повернувшись к крыльцу, громко гаркнул: – Жена, квас тащи! Гости у нас с дороги.

Младший Тришкин малец тут же подорвался со двора в избу – продублировать тятин приказ.

На крыльцо вышла беременная баба с торчащим уже на нос животом. В руках она держала обливную крынку.

Трифон, взяв у жены из рук крынку, протянул ее в двуколку баронессе:

– Не побрезгуйте, барыня, нашим угощением.

– Я не барыня, – улыбнулась ему Наталия Васильевна, да так, что Тришкина жена моментально потемневшим глазом взревновала своего мужика до смерти.

– Это нам товарищи от щедрот шмотья подкинули, – пояснил я наши обновки. – А так Наталия Васильевна – городская, с Западного края, с города Гродно. Совсем не барыня.

Жена Трифона поджала губы, завистливо глядя на венгерку баронессы.

А сам Трифон, собственнически облапив торчащий живот жены, похвастал мне:

– Смотри, Митрич, это уже послевоенное производство.

Жена Трифона перенесла такой парад стоически.

Баронесса, не слезая с двуколки, протянула мне крынку с остатками кваса.

Квас был хорош. Ядрен. На хрену настоян. И в меру холоден.

То, что надо с дороги.

Баня, в которой мы с баронессой отмыли до хруста свои телеса, и последующая ночь под собственной крышей после баньки с дубовым веничком стали последним спокойным времечком. Оттягом! Несмотря на бурные «половые эксперименты».

Тогда же я и увидел наконец-то всю красоту и богатство Наташиного тела, так сказать, «а натюрель», под мягким светом семилинейной лампы. А то все на ощупь, да в темноте... И то, что я увидел, мне до восхищения понравилось. А больше всего понравилось, что все это только для меня, скрытое от посторонних глаз не столько длинными юбками, сколько поведением самой баронессы. Даже попытки никакой нет у этой женщины кокетничать своим совершенным телом с посторонними мужчинами. Да, это вам не поголовное млятское воспитание девиц двадцать первого века. Это как раз и есть «Россия, которую мы потеряли». А вовсе не «хруст французской булки».

Утром осмотрел свою избу уже посторонним взглядом, словно не дом родной, вынул из сундука медали и тринадцать царских червонцев, сунул в карман и вышел вон. На крыльце вдохнул свежий утренний эфир первых заморозков. Водрузил на свежесбриту голову найденную в сундуке лекарскую фуражку и неторопливо вышел на улицу. И вот с этого момента все понеслось лобком по кочкам, как поезд под откос.

Договориться о венчании в неурочный день оказалось не самым хлопотным из дел. Отец Мельхиседек растрогался и даже за отцом диаконом гонца послал своего.

И праздничный стол собрать удалось с самих свадебных гостей. Те как узнали про выставленное мною ведро спирта, так сами вызвались помочь красному фершалу с закусью. Да и чего там особого на стол метать – все харчи не покупные, а со своего огорода разносолы да квашения. Со своего же сада фруктаж. Куры и те свои, из-под ног под нож прыгнули. Даже козлы да лавки мне сколачивать не привелось – все сами односельчане за меня сделали, без просьб и понуканий. На всю длину двора. И доски недостающие сами притащили. Безвозмездно. Бесплатно, значит. Праздника людям захотелось. Для себя любимых. А свадьба моя – лишь повод.

Сложнее было в сельсовете оформить продажу моего дома. Развели бюрократию товарищи комбедовцы. А может, все проще: взятку с меня вымогали неумело. Пока еще робко, с непривычки к власти. Пришлось даже «манлихером» перед носом помахать и товарищем Мехлисом пригрозить. Последнее сработало. Про Мехлиса уже прошел боязливый слух по округе. Вот так вот: бей своих, чтобы чужие боялись! Сколько товарищ Фактор народа извел – никакого страха в селян не посеял. А стоило Мехлису Фактора расстрелять – враз в авторитет вышел по всей волости.

Дом я даже не продал, а обменял Трифону, который собрался старшего сына отделять, да все на постройку новой избы средства жадовал. А тут я с предложением, от которого невозможно отказаться. То есть по бумагам прошло как продажа, а на руки мне не деньги, а плетеная ивовая бричка и шестилетний игрневый мерин из-под гусарского трубача. Бричка-то – пароконная, и одной нашей кобылкой не обойтись. Конь сравнительно легко достался – Трифону держать трех лошадей в одном хозяйстве по наступившим временам стало боязно. Себе он артиллерийского тяжеловоза оставил, сыну кобылу выделил, а мне мерина сменял. От сердца оторвал, можно сказать. С кровью. Зато теперь он середняк-однолошадник, и от классовых претензий новых властей взятки гладки.

Овса мешок, сена пук, яиц с коровьим маслом, хлеба подового два каравая, сала шмат, картохи котомку, луку с чесноком. Английский карабин с одним магазином и сотней родных патронов. Чемодан фанерный, пустой, под наше барахло. Вот и вся сделка.

В откат «административному ресурсу» пошла лиловая венгерка на каракуле – Тришкиной бабе трепливый рот заткнуть. Пригрозили строго, что если вякнет что кому, так товарищи сразу же у нее эту венгерку и отберут, потому как казенная вещь. Впрочем, та и сама была рада сбегать нас подальше от мужа даже и без полюбившейся ей венгерки. Очень уж сильно приревновала она мужа к Наталии Васильевне. На пустом месте. Ну, это у баб водится. Сама себя спросит. Сама за вас ответит. Ответ ей не понравится. И приходите вы домой в самый разгар скандала. Ни сном, ни духом даже – на какую тему.

В первый день отпуска помимо продажи дома пришлось решать параллельно с подготовкой к свадьбе кучу дел хотя и мелких, но обязательных. Отдать долги, забрать долги. Не стоит оставлять за спиной обиженных на тебя людей. Даже если сюда мне уже никогда не вернуться.

И конечно – пациенты. Куда от них деться сельскому медику? Разве что пользоваться их пришлось практически на бегу.

Только к ночи и приткнулся, усталый, на свою медную кровать. Никак не ожидал, что будет столько дел, и все срочнее срочного.

Наталия Васильевна весь этот день провела дома за кройкой и шитьем, подгоняя по фигуре обновки от Шапиро и перетряхивая мои сундуки.

И стирку всю взяла на себя.

И ужин для меня приготовила, лапочка.

А вот в постели удивила, произнеся суровым голосом:

– Завтра ты перед Богом и людьми станешь моим мужем, и, как мне ни жаль, но «половые эксперименты» нам придется прекратить.

С меня весь сон слетел разом.

– Это с какого-такого бодуна?

– А ты разве не понимаешь? – Милосердная сестра сделала круглые глаза.

– Нет, – ответил ей искренно.

– Я, как хорошая христианка, обязана покаяться завтра на исповеди о наших «половых экспериментах». Отбить епитимью, которую на меня наложит батюшка, и больше так не делать, ибо грех, который отпущен на исповеди, при повторе становится большим грехом, так как я уже покаялась в нем перед Богом и обещала больше так не грешить.

Редкие слезы покатались по ее щекам.

– Я же говорила, – продолжила она срывающимся голосом, – что и без свадьбы нам хорошо. Да, наши отношения – блуд. Но в нем покаяться можно будет когда-нибудь потом. А теперь придется уже утром.

Она такая разнесчастная сидела на кровати в одной ночной сорочке, что мне ее стало жалко. Но в то же время намного больше было жалче себя, которого грозились прямо завтра посадить на скудный любовный паек в миссионерской позе. И я отчаянно пытался найти выход из этой, казалось бы, безнадежной ситуации.

– С блудом мне все понятно, – ответил я, цепляясь за убежавшие мысли. – Но разве Христос предписывал заниматься сексом только в определенной позиции?

– Каким сексом? – не поняла Наталия Васильевна.

– Секс релейшнс, – ответил я ей на автомате. – Половые отношения по-английски. А коротко – секс.

– Не знала, – пожалала красивыми плечами баронесса.

– Так что там о позициях в половых отношениях народа и церкви? – настаивал я на четкой терминологии.

– Предписана всего одна позиция для супругов: он – сверху, она – снизу, – выдавила из себя милосердная сестра.

– Кем предписано? – настаивал я.

– Церковью. Так меня перед первой свадьбой наставляли.

– Ага... – ухватился я за лучик света в темном царстве полового мракобесия. – То есть предписано это ЛЮДЬМИ, так?

– Выходит, так, – согласилась со мной моя невеста.

– А что по этому поводу сказал Бог Живой? – требовал я от нее ответа.

– Не помню, – ответила она и с отчаянием добавила, повысив голос: – Я действительно этого не помню.

– А мы вот проверим, – вскочил я с кровати, чмокнув невесту в податливую щеку.

– Как? – удивилась она.

– Просто. По Священному писанию.

Встал с кровати, дошел до буфета, вынул оттуда синодальное издание Нового Завета с молитвословом и протянул этот томик баронессе.

– Найди это здесь. В словах боговдохновенных, – подпустил в голос торжественности.

Знал бы, во что это выльется, хрен бы стал провоцировать баронессу на такую разводку. Полночи, вместо того чтобы наслаждаться друг другом в «половых экспериментах», в последнюю, как выяснилось, дозволенную для них ночь, сидели за столом у керосиновой лампы два дурных полуночника в исподнем и торопливо в четыре руки листали Библию в поисках православной Камасутры.

В этом времени никто, кроме нескольких продвинутых товарищей, не знает, что идеология важнее всего. Во всем. Вот и тратил я время на идеологическую обработку женщины начала XX века, а то действительно заставит меня Наталия Васильевна тряхаться миссионерским бутербродом. Силы воли ей не занимать при определенном идеологическом настрое.

Перекопали мы весь Новый Завет, включая Апостольские послания, и ничего, кроме осуждения блуда, не нашли. Никаких рекомендаций по позе, в которой Бог велел «плодиться и размножаться».

Из Ветхого Завета пришли на ум только осуждения Онана и гомосексуализма. Больше ничего в наших памятях не отложилось.

Припомнив судьбу Содомы и Гоморры, я вдруг ясно осознал, что Господь Бог – гомофоб. Таким образом, вся толерастия двадцать первого века дана нам от Антихриста.

Общий консенсус был найден с третьими петухами. Завтра каяться будем только в блуде, в котором мы прожили последние дни. Без какой-либо конкретизации. Нечего престарелому отцу Мельхиседеку устраивать эротическое радио в две программы.

Венчание в храме прошло как предписано. Не длинно, не коротко, в самый раз. Отец Мельхиседек, как тонкий психолог, чувствовал настроение паствы очень хорошо. А паства уже активно чесала носы в предвкушении дармовой выпивки.

Да и на исповеди не стал он устраивать мне инквизиции, удовлетворившись лишь именным перечислением повседневных грехов, среди которых мы с баронессой запрятали слово «блуд». Отпустил нам грехи и велел идти и больше не грешить. Даже без епитимьи.

Между исповедью и венчанием мы свезли все, что нам пригодится в дороге, на Тришкино подворье, где уже стояли наши лошади и плетеный тарантас.

По ходу пьесы уговорили Тришкину жену постелить нам на сеновале. Чтоб ночью не стеснять никого.

– Да не по-людски это как-то... – удивилась та, – в первую брачную ночь – и на сеновале? Будто у вас дома нет.

На что ей было с апломбом заявлено, что дома у нас уже нет – этот дом уже ее, а на сеновале нам нравится.

Пожав покатыми плечами, крестьянка понесла в руках свой большой живот в избу – подавать нам обед.

Венчался я в парадном мундире полкового фельдшера, с медалями и погонами кандидата на классный чин. Для селян и широкая «сопля»²⁵ вдоль погона – признак большого начальника. Отставных унтеров на все село – раз-два и обчелся.

Наталия Васильевна стояла перед аналоем в скромном платье с белым передником и косынке сестры милосердия. В том наряде, в котором я ее встретил здесь.

Шафером с моей стороны выступал Трифон. Над баронессой в реянии ладана венец держала попадьа.

²⁵ «Сопля» (сленг), она же лычка – галун на погоне для различия званий унтер-офицерского (позже – младшего командного) состава. В современной Российской армии ее заменяют металлические угольники.

Не поскупились односельчане и на зерно, которым нас обсыпали при выходе на паперть – для лучшего плодородия чрева женщины, которая несколько минут назад перестала быть баронессой.

А звонарь даже в колокола ударил по такому случаю. В надежде на лишнюю чарку.

За столом праздничным мы чинно просидели до тех пор, пока гости не стали упиваться. Все же два с половиной ведра²⁶ водки для редко пьющих сельских тружеников – это очень много за один раз. Мужик русский – вынужденный трезвенник, иначе с голоду помрет. Пьет он на редких праздниках, да еще когда на ярмарке расторгнется. Зато сразу в умат. В лохмуты. И для достижения такого состояния много на грудь принимать ему не требуется. Нет той привычки к спиртному, как, к примеру, у городских холодных сапожников или хохлов, привычных к шинку, которых в великорусских деревнях отродясь не было.

Как только разговоры за столом потеряли четкость речи, так мы с женой и слиняли потихонечку на Тришкино подворье.

Золотых десятков в моем кармане осталось ровно восемь.

Ночь прошла уже не в таком безумном иступлении чувств, как раньше. Меньше тупой безудержной страсти, зато больше вкуса и познания оттенков любовной игры, в которой Наталия Васильевна стала обращаться ко мне не иначе, как «муж мой». Думаю, смаковалось ею больше слово «мой», нежели «муж».

Покинула Зубриловку счастливая пара молодоженов перед рассветом на третий день отпуска, чтобы иметь суточную фору от возможного преследования. Надеюсь, никто не видел, как мы покидали село. Вчера народу выборочно «по секрету» было объявлено, что собираемся мы в Нижний Новгород. На самом деле стремились мы на юг.

Заранее изготовил я командировочные предписания, согласно которым начальник пепепупо полка Вольтинский Г. Д. и сестра милосердия пепепупо полка Зайцева Н. В. командуются командованием в Нижегородскую, Саратовскую, Воронежскую, Харьковскую и Тамбовскую губернии для переговоров о снабжении госпиталя запасной бригады, как и перевязочных пунктов входящих в нее полков, медицинским оборудованием, перевязочными материалами и медикаментами. Как раз двух украденных мною у писаря листов с оттисками полковой печати и хватило нам. А подделать почерк писаря мне, как выпускнику Художественного интерната при Третьяковской галерее, не составило особого труда. Даже подпись Мехлиса невозможно отличить от той, что на моем мандате красовалась. Разве что чернила другие. Вместе с бумагами о мобилизации это было хорошее прикрытие от возможных проверяльщиков.

Перед поворотом к имению князей Голицыных-Прозоровских выехали на хорошую брусчатую дорогу, построенную покойным князем от усадьбы до железнодорожной станции Тамала. Чтоб, значит, не вязнуть в среднерусских направлениях, когда ему приспичит до столиц прокатиться. Наследники его продали имение в казну сразу после первой русской революции. После чего оно только хирело.

Проехали мы мимо княжеского имения и не знали, что в тот же день там высадился голодный десант рабочих Путиловского завода, чтобы основать в нем Третью Петроградскую коммуну рабочих.

До станции Тамала, хоть и по прекрасной дороге, добираться не стали, свернули на брод через Хопер. А там – на юг, проселками.

²⁶ Ведро, как русская мера объема жидкости, составляло около 12 литров.

Путешествие наше шло ни шатко ни валко. И больше всего походило на свадебное. Наверное, романтикой костров, красотой зрелой осени и восхитительным звездным небом. И не подумаешь, что убегаем от кого.

Пару раз какие-то конные красноармейские разъезды проверяли у нас документы. Но моя липа прошла без сучка без задоринки.

Тришкина жена на радостях, что возможная разлучница уматывает ко всем чертям из села, усовестившись, подарила Наталии бараний кожушок-безрукавку. Из-под него в глаза торчала кобура австрийского револьвера, которым я вооружил жену. И мой «манлихер», вывешенный на виду, впечатлял прохожих размерами своей кобуры. А карабин ждал своего часа под сиденьем. С полным десятизарядным магазином.

На второй день вояжа въехали мы в Воронежскую губернию в районе Борисоглебска. Цель моя была – река Дон ниже города Воронежа, где можно было бы выгодно для крестьянина сменить пролетку с лошадьми на лодку и спокойно сплавиться до Новочеркасска, а лучше – совсем до Таганрога. А там нанять какого-либо контрабандиста на перегон в Болгарию. На оплату этого вояжа оставались у меня кое-какие цацки от родителей. Среди братушек, в Болгарии ли, в Сербии или Македонии, лекарь не пропадет. Потом и в Аргентину можно подаваться или Уругвай.

Не видел я себя на этой братоубийственной войне. Ни белые, ни красные не были мне близки настолько, чтобы я рисковал за них жизнью своей жены.

В общем – прощай, оружие!

Нас догнали на третий день дороги, ранним утром, практически при подъезде к Борисоглебску. На пустынном проселке. В очень неудобном месте. Когда сзади показались преследователи на двух фаэтонах, запряженных тройками, до ближайшего леса, в котором мы могли бы от них укрыться, было больше версты через поле и ручей.

Догоняли нас странные на вид люди, одетые в гражданскую одежду, а не в военную форму. Как оказалось, это и были те самые питерские коммунары, занявшие усадьбу Прозоровских в день нашего отъезда из Зубриловки.

Передал вожжи бывшей баронессе, надел ей на спину ранец с хирургическими инструментами – все же какая-никакая, а защита от пули – и сказал:

– Приготовься, милая, к гонке. Со стрельбой.

Поцеловал жену, после чего вынул из-под сиденья тарантаса английский карабин и смачно щелкнул затвором.

– Ты так спокойно об этом говоришь? – удивилась Наталия свет Васильевна.

– А чего трястись? От судьбы не уйдешь. Будет наша судьба, милая, будем живы, не помрем. Но как в русском народе говорят: на Бога надейся, а сам не плошай. Вот и я плошать не буду. – И через паузу признался. На всякий случай. Чтоб она это знала. – Я люблю тебя.

– А я тебя обожаю, – ответила мне жена, сияя синью глаз.

Преследователи, заметив нас, и особенно наше неторопливое передвижение, стали понукать коней, чтобы быстрее сократить разрыв между нами. И это хорошо. Потому как стрелять в невиновных людей мне бы не хотелось.

Коренным в первой тройке преследователей шел, высоко вскидывая передние ноги, красавец орловский рысак. Его было жалче, чем людей, но уж такова ему выпала планида. Кони на войне – самые невинные ее жертвы.

Прицелился и выстрелил я метров за четыреста.

Английский карабин лягнул прикладом в плечо как испуганный мерин копытом.

Однако и результат стал сразу виден. Коренник упал. Пристяжные, запутавшись в сбруе, попадали след за ним. Фаэтон, ломая оглобли, встал, задрав зад перпендикулярно дороге, ссылая с себя седоков в пыль. Винтовки полетели на землю отдельно от преследователей.

Вторая тройка сбросила скорость, объезжая неудачников по обочине.

Тут я выстрелил второй раз. Коренной второго фазтона – рослый караковый жеребец неизвестной мне породы, повалился на левую пристяжную. Однако катастрофы, как с первой пролеткой, не случилось. Вторая тройка просто встала. И с нее по нам стали тут же стрелять из винтовок.

– Гони, милая, – крикнул я, передергивая затвор.

Легкая плетеная пролетка быстро стала набирать скорость, влекомая двумя резвыми лошадьми, которых Наташа нахлестывала не жалея вожжей.

Удалось еще пару раз выстрелить, пока преследователей наших не скрыл лесной поворот.

Вынул из винтовки магазин. Добил его количеством расстрелянных патронов. Пусть будет в нем положенный десяток. Под огнем перезаряжаться мне как-то не климатит. Жаль, магазин всего один. Трифон, Триша... Мать твою через коромысло! Думал он, что тут как в трехлинейке, где магазин со стволом составляет единое целое, вот и не озаботился запасными, когда воровал этот карабин у себя в дивизионе. Лучше бы он пулемет «льюис» там украл. Тогда бы нам сам черт был бы не брат. Тачанку-то еще Нестор Иванович²⁷ не выдумал. Вот и была бы у нас тогда вундервафля²⁸. Но, за неимением бумаги гербовой, придется писать на пипифаксе²⁹.

Гнали долго, обходя Борисоглебск на восток по дуге, пока кони не покрылись мылом, которое стало хлопьями слетать с их боков.

Наконец, убедившись, что оторвались от погони, стали в лесочке на дневку у небольшого ручья, дать лошадкам роздых. Хотя бы на время.

Обтереть соломой.

Напоить, когда остынут от скачки.

Конь – не человек, устает быстро.

Да и самим поесть не помешает.

– Милый, я с тобой до самой смерти, – вдруг сказала жена. – В богатстве и бедности, болезни и здравии. Куда скажешь, туда и пойду. Ты только поведай мне: куда стопы направил? Не держи меня в неведении.

Вопрос в глазах жены был непраздным. Она хотела определенности. Хотя бы в направлении движения. Справедливое желание.

– В Америку, – ответил ей честно.

– В какую Америку?

Удивил, ничего не скажешь, удивил женщину. Америки она никак не ожидала.

– В Южную, дорогая. В Северной Америке скоро будет страшный кризис и голод. Умрут восемь миллионов человек только в САСШ. А в Мексике – такая же кровавая революция, как и у нас.

– А чем тебя не устраивает Европа?

– Европа лет тридцать еще будет воевать неизвестно за что. Друг с другом и сами с собой.

– А почему бы нам не остаться в России? – в ее голосе слышалась надежда.

– Потому, любимая, что не останется самой России. И это не наша война, в которой слепые – поводыри слепых. Скоро тут все вокруг сойдут с ума. То, что мы видели в Лятошиновке – это даже не первый акт пьесы, а всего лишь увертюра. Скоро красный террор станет

²⁷ **Махно**, Нестор Иванович, руководитель анархистской партизанской армии (1918–1920) в Малороссии с центром в селе Гуляй-Поле. Считается изобретателем пулеметной тачанки.

²⁸ **Вундервафля** (сленг) – чудо-оружие (от нем. Wunderwaffe).

²⁹ **Пипифакс** – листовая туалетная бумага.

официальным. Кровь прольется рекой. Одних священников православных убьют четверть миллиона человек. А еще голод, тиф, испанка.

– Откуда ты все это знаешь? Ты пророк?

– Не спрашивай. Просто знаю. Просто поверь в то, во что верить человеческая душа отказывается.

– Значит, Вандея, – тихо произнесла Наталия.

– На Дону Вандея уже началась. И уральские казаки поднялись. В Прибалтике Юденич. На юге Корнилов собирает Добровольческую армию. Одно название пока армия – три тысячи человек. Меньше бригады.

– За них ты тоже не хочешь воевать?

– Нет. Они ведут к развалу России на благо союзников по Антанте. Никто из них не будет возвращать монархию. А народ пойдет только за царем. Ему и красные и белые чужды.

– Господи, какие ужасы ты вещаешь! – Наталия кинулась ко мне в объятия, желая защиты от такого будущего. – Не хочу такого!

– Вот поэтому мы и поедem в Америку, – сказал я, глядя ее по голове.

Поели спокойно. Даже горячего. И чайком ароматным побаловались комиссарским. Всласть. С сахаром. И больше к мировым проблемам не обращались.

На полянке ощущалась безмятежность бытия наедине с природой. А всхрапывания лошадей только сгущали это чувство. Не хотелось думать ни о чем. Накатил откат после боя. Если можно боем назвать ту стычку на дороге.

Сидел, привалясь к молодому дубку, смотрел на хлопчущую у костра жену и умилялся своей любви к ней. При этом понимал, что главное сейчас – это сохранить ее, уберечь. А для этого надо ее увезти далеко отсюда. Туда, где нет войны и долго не будет. Разве что такая, как была у Британии с Аргентиной за Фолкленды – Мальвины.

– Георгий, – окликнула меня Наташа.

– Что, милая?

– Я вот что подумала. Если нам придется все это бросить, – она обвела рукой коней и повозку, – что мы должны взять с собой крайне необходимого?

– В первую очередь – хирургический набор, – откликнулся я. – Это то, что нас с тобой прокормит везде. И оружие. Затем только то, что будет посильно нести. Остальное – наживное. Остальное можно и бросить с чистой совестью.

– А может, тогда нам эту повозку бросить и уйти верхами? – предложила Наташа.

– Седел нет. А охлюпкой далеко не уйдем. Сами устанем, да коням спины собьем. Лучше тогда уж пешком. Только на лошадей у меня виды есть. Хочу сменять их на лодку и уйти вниз по Дону.

– Как скажешь, – то ли согласилась она со мной, то ли смирилась с моим мнением.

Так прошло два часа. Лошади отдохнули, и пора было их впрягать снова в повозку и трогаться в путь.

Но тут на нашу поляну влетел всадник на гнедом жеребце. И с криком: «А!.. Вот вы где прячетесь!» – стал вынимать из ножен шашку.

Я и очухаться не успел, как Наташа выхватила револьвер и выстрелила в него.

Моментально вскочив, я бросился к повозке вооружиться карабином.

Гнедой бился, пытаюсь вырваться из запутавшегося повода, который твердо сжимал упавший с него мертвец.

Оглянувшись, я заметил, что довольно далеко еще – с полверсты будет, гай, в котором мы отдыхали, окружает редкая цепь красноармейцев в поле.

Крикнув Наташе: «Запрягай!» – сам занял позицию у крайних деревьев.

Патронами к винтовке я россыпью набил все карманы бушлата, и теперь они мешали удобно принять положение для стрельбы лежа. Пришлось стрелять с колена.

Первый мой выстрел был в молоко и не произвел впечатления на противника.

Второй пулей мне удалось кого-то достать. Цепь тут же залегла, и началась вялая перестрелка, растянувшаяся на целых четверть часа.

Вот neprуха-то, а казалось, хорошо мы тут ото всех заныкались.

Я, изредка постреливая, не давал цепи подняться в атаку, одновременно следя за расходом патронов. И ждал, когда Наташа мне скажет о готовности нашего средства к передвижению. Сигнал к возможности быстрого бегства с этого незадачливого места.

Но дождался только шума за спиной и выстрелов.

Обернувшись, увидел, как из руки любимой жены падает на траву револьвер, а на ее груди, на белом фартуке, расцветает алая роза из артериальной крови.

Три вооруженных винтовками человека – по виду мастеровых, продирались через лес к поляне нашего отдохновения. Четвертый падал, схватившись рукой за тонкую березку и зажимая другой горстью себе грудь.

Я вскинул карабин. Трое поочередно упали как подломленные, приготовившись удобить родную землю. Затем боек сухо щелкнул. Патроны в магазине кончились, а набить новый времени мне не оставили. Из леса на нас дружно пер вооруженный народ уже массой.

Бросил винтовку, подбежал к жене, услышав от нее последнее:

– Прости, любимый...

Потом на губах Наташи стала пузыриться красная пена, и глаза ее – синь небесная – застыли, подернувшись свинцовой окалиной.

Как в руке оказался «манлихер», я и не заметил.

Бил врагов на выбор, как в тире.

Семеро пали.

Потом патрон заклинило. И над телом убитой жены я сошелся с ними врукопашную, используя австрийский автоматический пистолет как примитивную дубинку, благо ствол у него длинный.

Ну, не Джеки Чан я, и не Чак Норис.

Подсекли ноги.

Навалились массой.

Ударили об землю.

Сели на руки на ноги вчетвером, а пятый с размаху плюхнулся на грудь, выбив из легких весь воздух.

Кто-то крикнул:

– Приказано его живым брать!!!

Но тот, кто сидел на моей груди, глумливо ухмыльнулся шербатым ртом и ответил невидимому командиру:

– Будет он вам живой, но некомплектный.

После чего выхватил с поясных ножен бебут и воткнул его мне в правый глаз.

Потом – в левый.

Дикая боль... Последнее, что я ощутил в этом мире.

Мутный молочный свет вместо ожидаемой черной темноты – это все, что я увидел, когда очнулся. Молочный такой сумрак. Матовый. Попробовал дернуться, но тело мое оказалось плотно упаковано.

«Плен, – первое, что пришло в голову. – Приехали. Максим Грек. Триптих темперой. «Слепой страстотерпец», мля, как на иконе».

Как же пить-то хочется... Сушняк, как с хорошего такого похмела. Рот как наждачкой обработали. Да, да... Оно самое: вокруг ва-ва, во рту ка-ка, головка бо-бо, денежки тю-тю.

Но больше, чем пить, – хочется как раз наоборот.

А еще больше хочется определенности.

Дернулся еще раз – бесполезно. Скрутили на совесть за все отrostки. Как же я теперь отлить-то смогу? Разве что под себя. От нерадостная перспективка...

– Мм... – только и смог произнести.

Язык опух и еле шевелился.

И никто, натурально никто не отозвался на мои потуги к общению.

Потом пронзило мыслью: «Плен!»

Наташа!!!

Суки рваные, всех унасекомлю! Дайте только руки отвязать – всех без яиц оставлю!

Внезапное буйство вскипело в душе, и я забился в ремнях, как эпилептик.

Всех на тряпочки порву, как фуфайку!!!

При этом я по-прежнему ничего не видел, кроме мутной белесой мглы вокруг. Но слух работал хорошо.

Стукнуло справа, похоже, как дверью об косяк.

Возле меня столпились неясные силуэты.

– Мм... – попробовал я ругнуться на них матом.

И тут мое тело вдруг обмякло, перестало биться в конвульсиях, а глаза вскоре снова накрыла черная мгла.

Все. «Пленка кончилась. Кина не будет...»

Кто-то меня робко тормошил за плечо.

Голова была чугунная и соображала плохо. Даже ориентация в пространстве куда-то пропала.

Нижней частью тела я на чем-то сидел, а верхней – лежал, как поручик Ржевский в салате. Меня приподняли и уложили спиной на какое-то мягкое на ощупь, но почти вертикальное ложе. Голову и лицо стали вытирать мокрой салфеткой. И вообще обращались со мной вопреки ожиданиям бережно и даже ласково.

Глаза промыли, и я УВИДЕЛ!!!

Увидел перед собой торпеду автобуса, баранку рулевого колеса, лобовое стекло и желтый капот, упирающийся в огромный дуб.

Что за бред!

Пока пытался все это осмыслить, меня ворочали, как куклака какого. Осторожно раскрыли рот и сунули туда какую-то таблетку. И тут же поднесли к губам кружку воды.

– Жора, выпей это обязательно. Полегчает, – услышал заботливый голос.

Пришлось и пить, и глотать.

Повернул с трудом голову. Рядом со мной, справа, стояла натуральная пионерка, одетая как во времена Советского Союза на торжественный сбор. В синей юбочке, галстучке красном на белой сорочке и прической в два конских хвоста над ушами. Вот только сиськи были у нее совсем не пионерские. Номер четвертый где-то.

– Где Наташа? – спросил я эту пионерку о главном.

– Какая Наташа? – переспросила меня та удивленно.

– Синевич, – прохрипел этой непонятливой деве.

Говорить что-то мешало в гортани.

– Наташка! Синевич! – крикнула пионерка куда-то мне за спину. – Гребь сюда, тебя Жора кличет.

– Зачем? – раздался сзади знакомый звонкий голос баронессы.

– Вот ты сама это у него и выясни. – А пионерка-то ехидная оказалась.

Секунд через тридцать рядом со мной, сменив пионерку, появилось красивое свежее лицо баронессы Наталии Васильевны фон Зайтц, моей венчанной жены. И соответственно бывшей баронессы.

Жива! Слава богу!

Сделал неловкую попытку улыбнуться.

В ответ Наташка тоже разлепила губы и показала замечательные ямочки на щеках. Но вела она себя совсем не как моя жена. Как чужая девушка на выданье.

Я протянул руку, и Наташа взяла ее в свои ладошки, для чего присела рядом со мной на корточки. Наши глаза оказались на одном уровне. Стало легче общаться. Только вот мысли дурацкие какие-то бегали в голове, щекоча мозги, как муха бархатными тапочками. Типа, а когда Наташа успела подстричься? У нее вроде шикарные такие волосы были, длинные. Но сказал другое:

– Наташа, я только тебе могу верить. Ты скажешь правду?

– Конечно, Жорик, ничего, кроме правды, – охотно откликнулась она на мой вопрос.

И смотрит заинтересованно синими брызгами. Как точен был поэт!

– Что со мной случилось? – Впился в ее глаза жестким взглядом, чтобы не пропустить, когда по ним станут врунчики бегать.

– Тебе просто стало плохо. Ты потерял сознание за рулем, но успел нажать на тормоз, и в дуб мы не врезались. Спасибо тебе за это. А потом Роза дернула ручной тормоз. Вот и все.

– С чего вдруг мне в обморок падать? – удивился я.

– Наверное, ты переутомился, – заявила Наташа, – пока шла вся эта бешеная подготовка к этому корпоративу. Я так думаю...

– А мы где?

– В подмосковном поместье «Сибнедр». Ворота проехали. Скоро площадка будет.

– Спасибо, милая.

Наташа на слова «милая» удивленно подняла брови.

– Спасибо, я все вспомнил. Сейчас поедем.

Наташа встала. Она оказалась также одета пионеркой.

– Кстати, как твоё отчество? – уточнил я у нее.

– Васильевна, – ответила Синевич.

– Ты из Гродно?

– Да, – улыбнулась она. – А что?

– Судьба. Вот что, – ответил я ей, улыбнувшись. – Кismet. Иди, садись на место. Спасибо тебе. За все. Еще увидимся сегодня.

И я озорно подмигнул ей.

Видно, таблетка подействовала, та, которой меня «пионерка» Роза пичкала, и мне стало намного лучше. По крайней мере довести автобус на маленькой скорости здоровья хватит. Пора деньги отрабатывать, а то больше не дадут.

Потыкавшись «тяпкой», задним ходом отъехал от дуба.

Передо мной виднелась развилка дороги, которую венчал сбитый мною столбик невысокого фонаря. Он-то и не дал врезаться в дерево. Плюс еще скорость была небольшой. Повезло, однако. Могло все быть намного хуже. Вокруг хоть и окультуренный, но все же лес.

Так, куда нам теперь? Вправо-влево? Вроде вправо. Поглядел на ладони, вспомнил, что точно вправо. Переключил передачу, выжал сцепление, тронул акселератор и вырулил на нужную дорожку.

Знакомая корпоративная площадка встретила веселым гамом. Оркестр разогрева уже лабал что-то веселенькое. А вокруг все было украшено согласно утвержденному проекту.

Празднично одетый офисный планктон хаотично перемещался по площади, оставляя свободной ее центральную часть, где стояла маленькая группа мужчин. Приглядевшись, увидел в центре этой группы САМОГО. Хозяина всея «Сибнедр». Странно, вроде Ругин говорил, что САМ только ожидается из Лондона. Ну, раз так, то пора нажимать на наш неприличный клаксон. Привлечь внимание начальства к сюрпризу. В наших палестинах главное – не как сделать, а как подать.

Автобус припарковал напротив начальственной группы.

По сигналу клаксона весь директорат как по команде повернулся в нашу сторону.

Я первым вышел из автобуса, нещадно дудя в мятый медный горн. Даже получилось что-то типа «Взвейтесь кострами...». Хреново, конечно, получилось, но лучше так, чем вообще никак. Стилль – это наше все!

Оркестр дисциплинированно смолк с первыми же нотами, выдвинутыми мной из горна.

За мной на площадку повыскакивали «пионерки», почему-то захватив с собой свои объемные кофры с косметикой. Хотел сказать им, чтобы бросили все в автобусе, но рот был занят горном. Потому плюнул мысленно на это. Главное – однообразно.

Пионерки выстроились перед автобусом, как экипаж боевой машины на параде, а я, помахивая горном, пошел к директорату докладывать о прибытии эскорта. Пора мордой торговать, раз уж я здесь.

САМ – лысоватый плюгавенький мужичонка маленького росточка, крючконосый, с остатками черной когда-то шевелюры, стоял, держа руки в карманах, отчего оба разреза его дорогого пиджака фасона «мечта пидараса» растопорщились в стороны, и смотрел он вокруг себя с долей высокомерного презрения адепта культа, знающего высшую истину, но обязанного играть роль записного демократа.

Не успел я подойти к нему и уважить – все же потенциальный клиент на услуги нашего агентства, – как скучающе-презрительное лицо САМОГО исказилось неприятной гримасой страха.

– Что ЭТО?! – визгливо закричал олигарх.

Я обернулся. Все девчонки стояли, держа свои кофры в руках, и только чеченка Сажи Радуева бросила его на мостовую, раскрыв створки в нашу сторону.

В обоих отделениях косметического кофра торчало по выпуклой зеленой плоскости, на каждой из которых было написано по трафарету черной краской: «К противнику».

Радуева, яростно сверкая красивыми глазами, с торжествующим видом закричала, ломая идеальную форму пухлых губ:

– Смерть предателю! Аллах акбар!

И тут же вдавила большой палец в красную кнопку черной коробочки, которую держала в руке.

Два снопа поражающих роликов с визгом снесли всю группку директората «Сибнедр» вместе с САМИМ и вонзились в меня.

Новая Земля. Европейский Союз. Город Виго.

22 год, 39 число 5 месяца, четверг, 10:42

Вокруг опять муть. Правда, уже не такая молочная, а словно воды в глаза налили, и все вокруг двоится или троится с искажениями, но вполне прозрачно.

Опять связанный. Точнее, привязанный к кровати за запястья и лодыжки, да еще ремнями через грудь, живот и ноги перехвачен.

Теперь отлить совсем не хочется, что странно. Вывод – хожу под себя. Хорошо, хоть девочки меня таким не видят.

Девочки!

Наташа!!!

И все снова началось так же, как и в прошлый раз.

Я попробовал освободиться, ничего не добившись, кроме стука ножек кровати по полу. А вместо осмысленного мата из глотки невнятно хрипело:

– Мм...

Просто «День сурка» какой-то.

Снова стукнула распахнутая дверь. Застучали подошвы по полу. Несколько голосов заорали в отдалении на незнакомом языке. Похоже, на испанском. Говорила мне мама: учи испанский! А так ни хрена не понимаю, что они там балаболят.

Кто-то опять столпился возле меня неясными искаженными силуэтами.

Опять что-то вкололи в шею, отчего я как-то увял и откинулся на койку. От розетки отключили, сволочи.

Со лба тек холодный пот.

По щекам – слезы.

И даже ставшего традиционным «мм...» уже сказать не могу. Только и осталось, что плакать от бессилия.

Зрение стало резче. Какая-то кривая рожа в серо-салатовой шапочке таблеткой склонилась надо мной и стала махать никелированной палочкой около моих глаз. Потом выпрямилась и что-то сказала.

В шею опять кольнуло.

Здравствуй, небытие. Ненадолго расставались.

Новое пробуждение доставило удовольствие нормальным, даже приподнятым самочувствием. По крайней мере меня уже не привязывали, хотя кровать поменяли. Лежал я на чем-то анатомическом, потому как везде было удобно, нигде не жало и не давило. Но до чего тесное помещение вокруг! Прямо гробик, только круглый. Надет на мне какой-то оранжевый комбез, в каких американские зеки ходят. На голове тоже что-то нахлобучено, а вот что – не разобрать. Не видно.

И из этой халабуды на голове мне в ухо жужжало:

– Юра, ты там что, уснул? Не ко времени совсем расслабляться. Скоро начинаем.

Ничего не понимаю. На всякий случай решил уточнить:

– Какой Юра? Я не Юра, я – Жора. Если нужен Юра, то звоните ему, а не мне.

– Он там что, умом подвинулся? – раздался в ухе другой голос, жесткий, начальственный.

– Маршал, давайте я сам разберусь спокойно, без командирского мата. Все может быть, дело новое, неисследованное.

– Валяйте, время еще есть, – ответил жесткий голос. – Я пока перекурю.

– Юра, это Сергей Палыч говорит, ты меня хорошо слышишь?

– Слышу-то вас хорошо, – ответил я ему. – Только я не Юра. Я – Жора. Георгий Волынский. И вообще: где это я? И где моя Наташа?

– Старший лейтенант Гагарин, прекратить истерику! – крикнул прямо в ухо жесткий командный голос. – Вы советский офицер или где?

– Маршал, я бы вас попросил... – вмешался первый голос.

Но тут меня действительно пробило на самую настоящую истерику. Я заорал всей мощью своих легких, со всей силой ужаса представляя, что меня сейчас зашвырнут на сто километров от твердой поверхности в безвоздушное пространство:

– Я не Гагарин! Я не Гагарин! Я не Гагарин! Я не Гагарин!!!

– Отойдите, Сергей Палыч, тут не железки, как видите, тут проблемы личного состава. А это уже мое дело, – послышался в наушнике голос маршала. – Слышь ты, козелик?! Тот, который в банке? Лично мне похер: Гагарин ты, не Гагарин. Но в ТАСС ушла информация,

что первый космонавт Земли – гражданин СССР и носит фамилию Гагарин. Даже если ты не Гагарин, партия прикажет – будешь Гагарин. Понял? Не слышу ответа?

– Понял... – ответил потухшим голосом.

– Ну, вот и хорошо. Сергей Палыч, начинаем обратный отсчет.

Третий голос забубнил:

– Девять.

– Восемь.

– Семь.

– Шесть.

– Пять.

– Четыре.

– Три.

– Два.

– Один.

– Пуск!

Ложе подо мной задрожало-завибрировало, и какая-то сила стала меня выталкивать вверх, одновременно вжимая в койку.

– От, млять, попал, – буркнул я в космическое пространство.

– Юра, – раздался в ухе голос Сергей Палыча, – скажи что-нибудь в камеру. Все же момент знаменательный. Исторический.

Мля... А тут еще и камера есть. Полный попандос!

– Поехали, – по традиции помахал я рукой.

Действительно, какая уже разница – Гагарин, не Гагарин...

Новая Земля. Европейский Союз. Город Виго.

22 год, 40 число 5 месяца, пятница, 08:13

В этот раз меня просто разбудили. По-домашнему так, потрясли за плечо. Молча. И даже как-то ласково.

Очень опасался, что снова увижу автобус в подмосковном лесу.

Но едва раскрыл глаза, как меня тут же чем-то укололи.

Потом напоили из длинного фарфорового носика чистой водой. Вкусной.

Потом стали обмывать, как покойника. Слегка поворачивая и приподнимая, как куклака какого, ловкими руками, нисколько не интересуясь моими желаниями и не обращая внимания на мою реакцию. К тому же руки и ноги не отвязывали. Легкий сквозняк охлаждал голое тело там, где его касались мокрыми тряпками.

Делали это все две женщины, глухо одетые во все белое. С вычурными белыми чепчиками, похожими на экзотических птиц.

– Где я?... – прохрипел на этот раз вполне даже членораздельно.

Сам я, в той позе, в какой меня приковали к этой тяжелой кровати, видел только недавно побеленный потолок, от которого еще пахло купоросом.

В ответ раздались непонятные слова. И я понял, что сказал свою фразу по-русски и меня, скорее всего, не поняли. Так же, как я сам не понял того, что мне сказали в ответ.

– Где я? – повторил на английском.

– Госпиталь, – ответила та «банщица», что была покрупнее телом, не переставая меня обмывать и даже не повернувшись.

Госпиталь.

Значит, не плен.

Уже хорошо.

– Наташа? – Во рту опять пересохло, но пить не просил потому, как ответ на этот вопрос был для меня важнее.

Но та санитарка, что телом худее, видимо, была телепаткой, и перед моим ртом моментом появился длинный фарфоровый носик, который принадлежал небольшому чайнику типа заварочного.

Я напился и снова повторил:

– Что с моими девочками?

Та, что потолще, пожала плечами и сказала длинную фразу, из которой я разобрал только слово «доктор».

Понятно.

Ждите ответа.

Ждите ответа.

Ждите ответа...

Потом меня напоили теплым бульоном, не куриным, но вполне себе птичьим по вкусу.

И опять чем-то укололи в шею.

Здравствуй, опа, Новый год. Хотя на этот раз откидывался в бездны я не стремительно, а весьма неторопливо – так сказать, прогулочным шагом. И не совсем в темноту черную. Просто был выведен из действительности в покой. Наверное, чтобы глупых вопросов не задавал.

Новая Земля. Европейский Союз. Город Виго.

22 год, 40 число 5 месяца, пятница, 28:13

В этот раз разбудили меня явно уже ночью, так как весь свет в кубрике исходил от настольной лампы-ночника на столе рядом с кроватью где-то у меня за головой.

Медсестра оказалась англоговорящей. Позвонив какими-то железками за пределами видимости, она ласково проворковала, протирая мне шею мокрой ваткой:

– Ну, вот и хорошо, больной, что вы проснулись. Теперь один маленький укольчик снотворного – и завтра будете как огурчик.

– Зеленый и в пупрышку? – попытался я пошутить.

– Нет, свеженький и ядреный, – улыбнулась она, обнажив ровные мелкие зубки, появляясь в пределах видимости. – Доктор Балестерос в восхищении. Говорит, что вы обязательно пойдете на поправку, если не будете брыкаться. С переломом шеи это очень опасно.

И снова убралась куда-то с моих глаз.

А я подумал, что своими виражами наперегонки со смертью я все-таки сломал себе шею, причем не фигурально, а натурально.

– Может, не надо уже снотворного? Я и так проспал, наверное, несколько суток! – взмолился я.

– Предписано доктором, – строго заверили меня, не оставляя никакой альтернативы.

– По крайней мере, скажите мне: где я?

– В госпитале, – ответили мне лаконично, но совершенно неинформативно.

– Это я понял уже. А где находится госпиталь? – настаивал я на определенности.

– В Виго, – ответили мне. – Вы в госпитале Рамбама.

– Что такое Рамбам?

– Не что, а кто, – строго поправили меня. – Рамбам – это акроним от раббену Моше бен Маймон. Еще он известен в Европе, как Маймонид. Это знаменитый врач из Кордовы. Жил в двенадцатом веке. А госпиталь принадлежит сефардской общине города. У нас очень хорошие хирурги. Так что не беспокойтесь, все у вас будет хорошо.

Я не видел ее лица, так как медсестра стояла практически у меня за затылком, а я по-прежнему был привязан к кровати. Понял, что укола мне не избежать, но до него решил выяснить главное:

– Где мои девочки?

– Спят, наверное. Не беспокойтесь за них, они сюда каждый день ходят, справляются о вашем здоровье. Даже удивительно. Первый раз вижу, чтобы столько красавиц одновременно бегало за мужчиной, который внешне не представляет собой ничего особенного. Вы певец или актер?

– Философ, – ответил ехидно, а в душе ликуя от того, что меня девчата не бросили тут одного.

– Вы давно со Старой Земли? – поменяла медсестра тему.

– Две недели.

– Значит, ТАМ что-то серьезно переменялось с момента моего убийства, раз стало модно бегать за философами. Куда катится мир?

С этими словами она вколола мне очередную дозу, и я поплыл на волнах препарата, втормогающегося в мою кровь. Но настроение было очень хорошее.

Я отходил почти счастливым.

Новая Земля. Европейский Союз. Город Виго.

22 год, 1 число 6 месяца, суббота, 10:04

Очнулся и некоторое время лежал тихо, не привлекая к себе внимания. Надо было обдумать ситуацию, в которой оказался. Хотя при таком «обилии» информации хрен что удумаешь, кроме химеры. Однако... «Штирлиц, подумайте, – сказал Борман. – Штирлиц подумал, и ему это понравилось». Вот так и я: нравится мне сам процесс думанья после этой долгой тьмы без сознания и без думанья. Прав был Декарт: «Я мыслю, – значит, существую».

В конце концов, на философском факультете нас учили только одному – думать. Но это было раньше, во времена «исторического материализма». Сейчас со студентов тупо взятки берут. «Садитесь – пять. Профессор, может, все-таки четыре? Сказал: пять бутылок коньяка, значит – пять». Итак: я мыслю, значит, существую. Неоспоримая истина, и пофиг все основные вопросы философии. Тем, кто не мыслит, они не нужны уже. Совсем. Какая разница, существует этот мир только вместе со мной или существует так же и без меня? Мне в этом смысле все уже перпендикулярно и фиолетово, раз я это оценить не могу. Каждый человек в глубине души – солипсист³⁰. Осознание того, что его не станет, а все вокруг так и останется, его пугает похлеще дантовского ада.

Но мне главное – разобраться, на каком я свете сейчас и почему привязанный?

Зрение, кстати, порадовало меня сегодня: видел даже самые мелкие пупырышки на потолке. Не все так плохо, как казалось. Стоило выгнать козу... Вот так вот, сломаешь пару раз шею – и станешь не только толстовцем, но и истовым поклонником Диогена Синопского, которому для жизни ничего не было нужно, кроме глиняной бочки.

Как-то знаменитый философ Платон увидел, что Диоген моет себе овощи на обед, и попенял ему: «Если бы ты служил Дионисию, то тебе не пришлось самому мыть овощи». В ответ Диоген только грустно выдохнул: «Если бы ты, Платон, умел мыть овощи, то тебе бы не пришлось служить Дионисию». Почему же я, тоже вроде как философ, по крайней мере по диплому, всю свою сознательную жизнь «служил Дионисию»?

³⁰ **Солипсизм** (лат. solus – единственный и ipse – сам) – радикальная философская позиция, характеризующаяся признанием собственного индивидуального сознания в качестве единственно несомненной реальности и отрицанием объективной реальности окружающего мира.

Что-то паршиво я сегодня думаю. Мысль скачет, как та коза по веткам. Информация... Необходима информация, а ее нет.

К Диогену Синопскому, когда он стал уже знаменитостью Афин, как-то пришел один крендель и попросился в ученики. Диоген повел того на рынок, выпросил у торговцев большую рыбу, сунул ее в руки нового ученика и потребовал за собой носить. Новообретенный ученик два дня носил за Диогеном эту рыбу, пока она не протухла, потом выбросил ее, обругал философа матерно по-древнегречески и ушел. Через месяц Диоген столкнулся с этим человеком на агоре и сокрушенно воскликнул при этом: «Надо же, такая маленькая рыбка разрушила такую большую дружбу!»

К чему это я? А к тому, что у девочек, что идут за мной, в руках такая же рыба. Или эта рыба – сам я?

Дверь со стуком распахнулась. Потянуло легким сквозняком.

Надо мной склонился человек, очень похожий на Марчелло Мastroяни в молодости. Теперь стало понятно, почему медсестра вчера восприняла меня как ничего из себя не представляющего мужчину. Куда уж нам, лапотным, если у них тут доктора с такими мордами...

– Вы доктор Балестерос? – спросил я его по-английски.

– Нет, я Лусиано Веласко Купер, – ответил тот мне на том же языке. – И даже не доктор, а всего лишь ординатор. Магистр медицины.

– Но мне сказали, что мой лечащий врач – Балестерос.

– Правильно сказали. Доктор сейчас делает обход и скоро будет здесь. Тогда и сможете задать свои вопросы. А мое дело в настоящий момент – у вас реакции проверить, чтобы доктор, когда придет, видел полную картину вашего самочувствия. Визуально видно, что вам лучше, но процедура есть процедура. – При этом он отцепил от кровати жестянку и внимательно ее рассматривал, потом прицепил ее обратно на спинку кровати, улыбнулся и сказал: – Температура у вас в норме. Это очень хорошо.

Ага... Как же... Знаем. Врывается врач в ординаторскую и кричит: «Больной перед смертью потел?!» Ему отвечают: «Потел». «Очень хорошо», – довольно потирает руки врач и уходит. Ну что за дурь сегодня мне в голову лезет?... Захотелось поделиться этим с врачом, но спросил его за другое:

– Знаете, Лукиан, – так проще его имя звучит для русского уха, – что вы очень похожи на Мastroяни?

– Знаю, – спокойно ответил магистр медицины, не отвлекаясь от позвякивающего раскладывания своих орудий на столе за моей головой, – меня из-за этого не приняли в театральный институт. А теперь поглядите сюда.

Врач помахал перед глазами никелированным молоточком.

Новая Земля. Европейский Союз. Город Виго.

22 год, 1 число 6 месяца, суббота, 11:25

Доктор Балестерос оказалась приятной на вид женщиной лет тридцати. С крупными чертами лица, которые ее ничуть не портили. И очень пышными формами, утянутыми белоснежным халатом. Копна коротко стриженных черных волос не была покрыта ничем вопреки обыкновению этого госпиталя, где весь виденный мною персонал был либо в зеленых шапочках-таблетках, либо в белых головных уборах, похожих на угнездившихся птиц.

По тому, как магистр Купер приветствовал ее лишь небрежным кивком головы, я поначалу принял доктора Балестерос за очередную медсестру, пришедшую делать мне процедуру.

Пока она ковырялась в бумагах, я спросил Купера:

– А когда же я наконец-то увижу своего лечащего врача?

Тот уставился на меня, округлив глаза, и попытался что-то сказать, но женщина его опередила:

– Я уже здесь.

Мне стало неловко.

– Простите, сеньора, – промямлил я, коря себя за такой косяк.

– Сеньорита, – машинально поправила меня доктор Балестерос. – Сеньорита Мария Балестерос. Ваш лечащий врач. Доктор медицины.

– Доктор, когда же вы наконец развяжете меня, мне в этой позе уже надоело лежать, – моментально нашел я время пожаловаться, – да и затек весь. Скоро пролежни появятся.

– Если не будете брыкаться, по своему обыкновению, то развяжем, – спокойно проговорила сеньорита Балестерос, не отрывая взгляда от бумаг. – Вам необходимы покой и фиксированная поза. Трещина во втором позвонке – вещь серьезная. Вы же не хотите ходить оставшуюся жизнь со скрюченной набок головой, на которой уже есть скрюченный набок нос? Хотите стать таким красавчиком?

– А у меня еще и нос соскрюченный? – озадачили они меня.

– Еще как, – ответила сеньорита доктор, – но мы его пока не трогали. Имелись более насущные моменты поправки вашего здоровья. – Она машинально поправила волосы грациозным движением правой руки и продолжила: – Вы должны быть благодарны тому бандиту, который ударил вас коленом по носу. Этим он изменил траекторию вашего падения из автобуса и сохранил вам жизнь, сам того не желая. Если бы вы упали, как падали, вертикально головой об землю, то перелом атланта вам был бы гарантирован с разрывами мозговой ткани. Летальный исход в течение суток, даже при самой мощной реанимации. И еще вам повезло, что вас очень быстро к нам доставили. Приходилось слышать о главном правиле полевой хирургии?

– Нет. – Я действительно о таком правиле ничего не слышал.

– Первая минута – бриллиант, первый час – золото, первые сутки – серебро. А дальше – дерево, – просветила меня доктор.

– Какое дерево? – переспросил я, не поняв юмора.

– То, из которого строгают гроб, – пояснил магистр Купер.

– Все равно непонятно: мы же были довольно далеко от города. На границе с Валлийским принципатом.

– Вас доставили сюда на санитарном вертолете, – улыбнулась доктор. – Вас и еще одну девушку с проникающим ранением груди.

– Какую девушку? – всполошился я.

– Успокойтесь, доктор Вольински, вам нельзя волноваться, поэтому пока мы вам ничего не скажем, – тут же вскинулся магистр Купер.

– Эскулапы... – сурово так протянул, но даже не мотнувшись; тут же послушно принял предписанную позу, хотя хотелось очень грязно ругаться на всех знакомых языках. – Ничего вы не понимаете в людях. Если вы мне ничего не скажете сейчас, то я буду намного сильнее волноваться и уж накручу себя по-любому гораздо сильнее от неизвестности. К бабке не ходи.

– К какой бабке? – удивилась доктор.

Пришлось пояснить:

– Это присказка такая русская. Когда все предельно ясно, и гадалка уже не нужна.

– Вы русский? – удивился Купер.

– А что, не похож? Наверное, оттого, что нос набок. Как зовут эту девушку?

– Нет, просто вы очень чисто говорите по-английски, – отметила доктор, – как природный англичанин. Причем как англичанин из хорошей семьи.

– Я учился в Оксфорде в школе бизнеса, – пояснил им происхождение моего хорошего английского произношения.

Врачи переглянулись, потом Купер вынул из кармана блокнот и прочитал фамилию девушки:

– Синевиш.

– Наверное, Синевич? – поправил его.

– Да, вы правы. Ваши фамилии – очень трудные для произношения.

– Что с ней? – постарался, чтобы голос не выдавал моего волнения.

Наташа!!!

Моя Наташа!

Ранена!

Нет мне прощения!

– Проникающее ранение в грудь. Навылет. Ей сделали операцию, но состояние тяжелое. Пневмоторакс, – пояснила доктор.

– Слава богу, она жива. Руки связаны, а то бы перекрестился, – выговорил с заметным облегчением.

– Кто она вам? – спросил Купер.

– Жена, – ответил ему уверенно.

– А остальные девушки, которые нам каждый день надоедают, требуя от нас бюллетень состояния вашего здоровья, как будто вы – коронованная особа? – уточнила доктор заинтересованно.

– Тоже жены, но Наташа – любимая жена.

Наверное, дурацкая у меня сейчас улыбка.

– У вас гарем? – обалдело переспросил Купер.

Озадаченность на его лице перемежалась с неприкрытой завистью. А челюсть-то упала – Мастроянни, блин! Вид удрученного красавца-магистра резко повысил мне настроение. А может, и состояние.

– Гарем, а что такого? – попытался пожать плечами, но не вышло.

– Да... Такого у нас еще не было. Что делать будем, Лусиано? – спросила доктор магистра, задорно подмигнув мне правым глазом.

– Завидовать будем, – ответил магистр. – Что еще тут можно сделать?

– Чему завидовать? Ты, наверное, весь госпиталь уже перетоптать успел, – засмеялась доктор.

– Завидовать тому, что столько женщин при одном мужике еще не выцарапали друг другу глаза и не забили его скалками, – на полном серьезе ответил Лусиано.

– Они у меня дружные, – улыбнулся я, вспомнив своих девчат, и вернулся к более волнующему меня вопросу: – Наташа – как ее состояние?

– Стабильно тяжелое, но есть надежда, что все будет хорошо, – охотно ответила доктор. – Операция по крайней мере прошла удачно. На груди даже шрам будет небольшой, не портящий красоту таких прелестных молочных желез, чего не сказать о спине. Хотя... Глубокое декольте ей больше не носить. Но чтоб это была ее самая большая печаль в жизни.

Чувствовалось, что доктор Балестерос гордится своей работой.

– Главное, она жива, – выдохнул я уже облегченно. – Я могу ее увидеть?

– Вы с ума сошли, – доктор даже всплеснула руками, под которыми колыхнулись ее большие тяжелые груди, – сами еще двигаться не можете! Да и она пока пластом лежит под капельницей. Думаете, ей приятно будет, что вы видели ее такой худой, бледной и изможденной? Она же крови потеряла много. Вот оба поправитесь – и милуйтесь, сколько вам влезет. – Она посмотрела на большие золотые часы, похожие на те, которые мы взяли в трофей у бандитов, только более плоские. – Скоро вас покормят завтраком и обмоют. А пока лежите.

Завтра вам наденут воротник, и вы сможете осторожно ограниченно двигаться. Руки и ноги тогда отвяжем, если дадите честное слово, что не будете делать глупостей. Лучше спите, сон – хорошее лекарство в вашем случае. Не все же на вас паучий яд изводить. Он дорогой и редкий.

– Так это от него меня так плющит и колбасит? – сказал с обвинением в сторону медиков. – Или от какой другой наркоты, на которую меня тут подсадили?

– Не поняла? – переспросила доктор.

Видимо, свою фразу я в волнении сказал по-русски. Пришлось перевести, хотя перевод вышел довольно-таки корявым. Даже расширить формулировки нужно было раз так в восемь. Нет в английском языке емкости и образности русских определений.

– Не могли бы вы рассказать нам об этом подробнее? – внимательно спросила доктор Балестерос.

– Легко.

– Лусиано, садитесь и берите блокнот, – приказала доктор, сама подтаскивая стул к моей кровати.

– Итак, доктор Волынски, расскажите нам поподробнее об этих своих галлюцинациях, – попросила доктор, закидывая ногу на ногу.

– Зовите меня просто Жора. А то наш диалог напоминает голливудский фильм «Шпионы, как мы».

– Спасибо. А меня тогда зовите просто Мария, – засмеялась доктор.

– Заметано, – улыбнулся я. – Как говорит моя жена Роза: «Из всех искусств для нас важнейшим является мексиканское кино».

– Все же нам лучше не терять времени и обсудить ваши галлюцинации, – вернул всех в рабочее состояние магистр Купер. – Они возникают у вас сразу после инъекции?

– Нет. Сразу после инъекции, если рассматривать в ее качестве легкое покалывание шеи...

Магистр Купер подтверждающе кивнул своим красивым лицом.

– Так вот. Сразу после укола наступала тьма. Я бы даже сказал абсолютная тьма. Вот только скорость погружения в нее была разной. А сама тьма всегда была одинаковой. Это то, что я успевал сознанием зацепить. А видения... Я бы не сказал, что они – галлюцинация. Это была реальность, «данная нам в ощущениях». Причем в ощущениях любого рода. И эти ощущения были четче и насыщенней нашей с вами реальности. Примерно как реальная натура и написанная с нее картина в стиле гиперреализма³¹. Я ясно излагаю?

– Да, да, – заверили меня медики дуэтом.

А доктор «Просто Мария» тут же поднесла к моему рту носик чайника – глотку сполоснуть, чтоб легче излагалось.

И действительно, излагаться стало легче.

– Давайте все же остановимся на термине «видения». Потому что в отличие от галлюцинаций имелось полное погружение в переживания и ощущения, даже запаховые, вкусовые и тактильные, и в то же время наблюдалась некоторая ментальная отстраненность, взгляд сверху-сбоку, как в ролевой компьютерной игре. Хотя не во всех, только в первом видении. В двух других такой отстраненности не было. Но самое интересное в том, что все эти видения воспринимались как возвращение в реальность после той наркотической тьмы.

И я рассказал им все. И про гражданскую войну, и про теракт, и про полет в космос вместо Гагарина.

³¹ **Гиперреализм** – (англ. hyperrealism) – направление в живописи, возникшее в США в 70-х гг. XX в. Художники этого направления имитировали фото живописными средствами на холсте. Их целью было изобразить мир не просто достоверно, а сверхпохоже, сверхреально.

Долго рассказывал. Подробно. И, похоже, местных эскулапов этой исповедью сильно впечатлил.

– Занятно. Нам такого еще никто не доводил до сведения. Про тьму говорили все испытуемые, а вот про видения – вы первый, – заметила доктор Балестерос. – Интересно то, что в большинстве ваших видений погибает ваша жена. Если это все разложить с точки зрения психоанализа...

– Вот только не надо мою психику брать на анализ, – запротестовал я. – Тем более по методикам этого венского шарлатана.

– Чем вам так не угодил Шломо Фрейд? – удивился магистр Купер, догадавшись, кого я имею в виду под «венским шарлатаном».

Сам я это определение беззастенчиво стибрил у Набокова.

– А вы Сартра³² читали?

– Не все, – ответила за Купера Балестерос.

– Только роман «Тошнота», – поддакнул магистр.

– А конкретно биографию Зигмунда Фрейда из-под его пера?³³

Врачи отрицательно покачали головами.

– Сартру поначалу в Голливуде заказали сценарий биографического фильма про Фрейда. Но гений, как всегда, слишком глубоко копнул, и такой фильм американцы естественно ставить не стали. Тогда Сартр издал этот опус, существенно расширив его, в качестве биографического романа.

– Ну и что там такого впечатляющего? – спросила «Просто Мария».

– А то, что вся теория Фрейда, как доказано Сартром, основана всего на двух случаях! Его личной – самого Фрейда, сексуальной тяги к своей матери и такого же тяготения к собственному отцу ОДНОЙ его пациентки. И все! Никакого анкетирования, хотя бы примитивного, по закону больших чисел, он не проводил. Контрольных групп не вел. Не говоря уж о сборе статистики. Согласитесь со мной, что такой подход в корне ненаучен? Но зато был очень скандален для девятнадцатого века. И коммерчески успешен.

Я выдохся, и доктор Балестерос снова милосердно меня напоила из фарфорового носика.

– И все же психоанализ, особенно после того как в него ввели теорию архетипов Юнга³⁴, – действенная методика, используемая во всем мире, – заявил магистр Купер.

– Это не методика, это ментальный наркотик, – возразил я, – существующий для того, чтобы пациент немного успокоился, а спустя некоторое время снова принес психиатру двести долларов за час легкого треп. Проще в церковь на исповедь сходить, да и дешевле это намного.

– Ну а тем, у кого нет в религии института исповеди, или атеистам – что делать? – спросила Мария.

– Тем остается психоанализ. С той же терапевтической силой. То есть кратковременной.

– Но иногда человеку достаточно просто выговориться, – настаивал Купер, – чтобы сбросить с себя моральную тяжесть.

– За двести долларов в час? – засмеялся я им в лицо. – В нормальном традиционном обществе это стоит пять долларов на хорошую бутылку водки и бесплатный трехчасовой треп с другом. И как рукой сняло. А вот в обществе атомарном, да еще в таком, чтобы всегда

³² Сартр, Жан Поль (1921–1980) – французский писатель и философ, представитель атеистического экзистенциализма.

³³ Фрейд, Зигмунд (наст. имя Сигизмунд Шломо Фрейд, 1856–1939) – австрийский психиатр и невролог.

³⁴ Юнг, Карл Густав (1875–1961) – швейцарский психиатр, основоположник одного из направлений глубинной психологии.

и всем надо показывать «ч-и-и-из» и «о'кэй». Где только заикнись о проблемах, и на тебя тут же навесят ярлык «ламер» и будут шарахаться как от чумного. Потому что считается, что неудачник – это заразно. Там да, альтернативы нет – иди к психиатру и плати. Как за дозу наркотика. Деньги, деньги, деньги, и ничего, кроме денег. Кстати о деньгах: сколько нам будет стоить день содержания в вашей клинике? – озаботился я суровой прозой после возвышенной проповеди.

Вопрос далеко не праздный. Деньги имеют дурную привычку кончаться в самый неподходящий момент, а медицина в Европах очень дорогая, насколько помню. Операция полостная – так за сто тысяч евро тянет. А тут хоть и Новая Земля, но все же Европейский Союз. Привычки запретительной медицины, наверное, остались. Не настолько мы богатые, чтобы болеть в европейском анклав.

– Об этом не беспокойтесь: и операции, и содержание ваше в госпитале оплачено городскими кортесами как жертвам дорожного разбоя.

– Вот как? – удивился я этому обстоятельству. – Никак эти кортесы Санта-Клаус под ручку поддержал?

– Это старая добрая традиция Новой Земли, – пояснил магистр Купер. – Идет еще с тех пор, когда на нашей дороге резвились многочисленные банды разных отморожков. Сейчас их намного меньше стало. Ваш случай – это вообще чрезвычайное обстоятельство за последние полтора года в испанских землях. Хотя дорога по-прежнему хорошо охраняется и нашими «милисианос», и валлийскими гвардейцами. И то последние случаи разбоя были не на дороге, а на реке – баржи с товаром захватывали. Выгоды так больше. Но кто бы мог вообще подумать на орденский патруль?

– А вот и ваш завтрак. Приятного аппетита, – пожелала доктор. – Еще увидимся.

И оба врача удалились из палаты.

Я восхитился видом доктора «Просто Марии» Балестерос сзади, который оказался ничем не хуже, чем спереди. Богатая женщина! При поразительно узкой талии обводы ее мощной кормы напоминали каравеллу, плывущую по неторопливым волнам. Я даже ее захотел. Зримо.

«Просто Мария» обернулась, заметила горкой вставшую простынь в районе моего паха и задорно подмигнула, скрываясь в дверях.

«Придурак со сломанной шеей», – вынес я себе диагноз.

На смену красивым докторам приперлись те же две корявые тетки в птичьих головных уборах, что меня обмывали. Но на этот раз они шли, толкая перед собой сервировочный столик на колесах.

Новая Земля. Европейский Союз. Город Виго.

22 год, 1 число 6 месяца, суббота, 13:12

Вас никогда не кормили с ложечки холодными яйцами всмятку?

Нет?

Вам сильно повезло.

А вот эти две карги госпитальные просто издевались над моей тушкой как хотели. Сначала тепленьким больничным бульоном чуть ли не из шланга поили, потом этой соплеобразной гадостью с ложечки.

Одна кормит, вторая мне морду тряпкой вытирает после каждого глотка. И всю дорогу между собою тарыхтят надо мной на незнакомом мне языке, что-то оживленно обсуждая. Бихевиоризм³⁵ в натуре. Руки у них сами по себе, мозги сами по себе. Не зря Ленин бихе-

³⁵ **Бихевиоризм** – ведущее направление в американской психологии XX в., оказавшее влияние на все дисциплины, связанные с изучением человека. За основу взято понимание поведения человека и животных в совокупности двигательных

виоризм с эмпириокритицизмом давил. Нельзя так с людьми обращаться, тем более с остепененными³⁶.

Растянули мои мучительницы это сомнительное удовольствие чуть ли не на час, в конце которого для вящего издевательства обильно попоили меня холодной водой из носика. Ага... После холодных яиц всмятку! Вам смешно, а мне таки не очень. Зато, наверное, кошерно.

Как же я счастлив был, когда они, в очередной раз, после «утки» – судна, обмыв мою тушку, спокойно удалились со столиком, не прекращая своей беседы.

Я остался один со своими думами. Теперь уже о том, насколько придется тут якорь бросить. Получается, что практически на месяц. Плохо. Девчата все свои сбережения потратят на гостиницы-рестораны. И вообще они там без пригляда... А это не есть хорошо.

Наташку бы увидеть. Да хоть какую. Все равно уже она моя на всю оставшуюся жизнь. А болезненный вид – это же только на время, пока не поправится.

«Будешь вновь нарядна, листьями убрана...»

Тут снова зримо вспомнилась колыхающаяся задняя часть «Просто Марии».

Ну кобель я, кобель по жизни. Что уж тут поделать? Природу не переспоришь.

Новая Земля. Европейский Союз. Город Виго.

22 год, 1 число 6 месяца, суббота, 18:12

Так и валяюсь пластом.

Про меня все забыли.

Бросили, как ненужную, сломанную вещь.

Привязали к кровати и... куда я денусь? Можно больше и не обращать на меня внимания.

Правда, приходили еще раз знакомые карги с «птицами» на головах. Кормили бульоном из шланга. Потом каким-то пресным мясным муссом с ложечки. И даже компотом – прогресс, однако.

Потом подсунули судно, угостили «уткой», обмыли и отчалили, а я валяйся. Хорошо, хоть простышкой укрыли.

Кстати, как это они тут без мух обходятся на такой жаре? Даже липучки с потолка не видно. Слово, что ли, волшебное знают?

Как надоело все это. Когда видения переживал, то жизнь как-то интереснее тащилась.

И ваще....

Я больной?

Больной! Мало того – тяжелораненый.

А где тогда сиделки? Чтоб книжку почитали, подушку поправили, слово ласковое сказали, лобик потрогали? Или это все в русской традиции осталось? Про Великую Отечественную войну. «Здравствуйте, товарищи, легко- и тяжелораненые...»

Ну и порядочки у них тут. Раз за нас платит муниципалитет, так можно и раны через край зашивать?

Уроды!

Мне скучно!

Попробовал сам себя развлекать. Чем? Песнями, естественно. Руки-то привязаны... Так что от воспоминаний обводов кормы «Просто Марии» никакого интереса.

Вот и горланю после «Орленка» и «Варяга»:

и сводимых к ним вербальных и эмоциональных реакций на воздействия внешней среды.

³⁶ **Остепененный** (сленг) – человек, имеющий ученую степень.

А на параде конница идет,
И за тачанкой тянут бронепоезд.
А тетя Надя, тетя Надя, тетя Надя не дает
Снять комиссару свой широкий пояс.

Или вот еще:

Это школа танцев Соломона Скляр-р-ра,
Школа бальных танцев, вам говор-р-рат.
Две шага налево, две шага напр-р-раво,
Шаг впир-р-род и две назад.
Кава-кавалеры пр-р-риглашают дамов.
Там, где бр-р-рошка, – там пир-р-род...
Две шага налево, две шага напр-р-раво,
Шаг назад, наобор-р-рот.

Все это хрипло, с бесподобным одесским акцентом...

А кто оценит?

Кто оценит, когда рядом никого нет вообще!

Одиночка, мля.

Тюремная больничка.

И вижу я только потолок, ну и кубрик этот, крашенный масляной краской зеленой, вижу, если глаза скосить. Двери белые. Вот и вся развлекуха. Кубрик большой, кровать по центру. Театр анатомический. Только зрителей нет.

Когда я уже совсем взвыл от одиночества и дошел до полной кондиции озверения, дверь открылась, и медсестра, которая меня все это время колола, вошла, держа в руке на отлете какую-то розовую хрень. А за ней ввалились в кубрик мои девчата. В полном составе всем автобусом. Но не в саму палату, а толпятся в дверях, будто дальше им путь заказан.

Наверное, никогда я не был так им рад, как сейчас.

Особенно меня умилила, просто до слез, пузатая сетка больших оранжевых апельсинов, которую держала в руках Роза. Как это знаково – по-нашему, по-северному, где апельсины десятилетиями были в страшном дефиците!

Медсестра, молча улыбаясь, подошла к кровати, что-то там покрутила, где я не вижу, нажала с силой на какой-то рычаг, и я вдруг оказался во вполне комфортной позе. Практически сидя, да еще с поддержкой под колени.

Потом она взяла это розовое, что принесла с собой, и стала осторожно прицеплять мне на шею. С такой чашкой пластиковой, в которую укладывают подбородок. В итоге вес головы стал приходиться на плечи, а не на шею. Неприятно где-то, но все лучше, чем вообще пластом с зафиксированной головой.

Все это время девчата тоже молчали, только строили мне рожицы, хихикая под сурдинку, и помахивали ладошками приветливо из дверей, отпихивая друг друга с прохода.

– Все, – сказала медсестра, – теперь вам с этим филадельфийским воротником придется какое-то время пожить. Кстати за ним аж в Кадис машину гоняли. И если вы мне обещаете, что не будете резко двигаться, то я развяжу вам руки.

– Все что прикажете, сеньорита, – заверил ее с самыми честными глазами. – Выполню любые инструкции. Филадельфийский воротник лучше, чем испанский сапог.

Шутка юмора не прошла. Ноль реакции.

– Вы можете войти, – сказала медсестра девчатам, развязав меня. – Только больного не теребить и руками не трогать.

Красавицы моментально все оказались рядом, рассредоточившись вокруг кровати. Таня, Дюля, Аля, Буля, Фиса, Инга, Роза, Сажи, Галя... Милые мои...

– Где Наташа? – спросил я их, тревожно переглядывая по их лицам.

– Она тут, в другой палате госпиталя, можно сказать, за стенкой, – поторопилась ответить Ингеборге. – Мы у нее только что были. Ей уже лучше. Она спрашивала про тебя.

Вот так вот. Предел лаконизма. Три фразы – и вся доступная информация в одном пакете. Уметь надо. Особенно женщине.

А то, что Наташка в таком состоянии про меня спрашивала, отдалось теплой волной во всем теле. Приятной такой.

– А ты-то сам как себя чувствуешь, мой господин? – интересуется Булька.

– Как выгляжу, так и чувствую, – отвечаю, усмехаясь. – Красавец, да? Мне для полного счастья в жизни только внезапной пластической хирургии носа в полевых условиях и не хватало.

Шутка юмора опять не прошла. Хоть и улыбаются, а взгляды грустные.

– Нос для мужика не главное, – тоном академического эксперта произнесла Альфия и подмигнула, – главное, чтоб член стоял и деньги были.

– Мужик чуть страшнее обезьяны – уже красавец, – добавила Антоненкова, – но мы тебя и таким любим. Даже больше, чем раньше.

– А то, что укатали Сивку крутые горки, мы и так видим, – сокрушенно добавила Анфиса, поправляя на мне махровую простыню и целуя в лоб.

Стоят вокруг, улыбаются широко и радостно, как родному. А может, действительно так чувствуют? Я же чувствую. Родные они мне стали, хотя всего две недели прошло. Всего две недели...

– Да, – соглашаюсь с Фисой, – крутые валлийские горки...

Я успокоил дыхание. Это надо было сделать, так как нетерпение мое стало просто чудовищным.

– Рассказывайте. Все рассказывайте. С самого начала.

– Ну... если с самого начала, то... – протянула Сажи, а потом выпалила: – «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог»...

Новая Земля. Европейский Союз. Город Виго.

22 год, 1 число 6 месяца, суббота, 21:18

Отгеснив от меня местных «птиц-падальщиков», девчата сами меня покормили ужином с ложечки, а до этого все апельсинки чистили и дольками мне в рот вкладывали. Мне показалось, что они от этого кайф ловят. На самом деле меня сковывала некоторая неловкость. Я же для них был мачо, большой начальник и «муж». А теперь...

Потом девочки ушли, потому что в госпитале «караул устал», и около меня осталась одна Роза, которая кроме апельсинов принесла с собой какой-то женский роман и сейчас читала его мне вслух.

Ингеборге, узнав, что сиделок в госпитале не хватает, тут же подсуетилась договориться со старшей медсестрой, что девочки будут дежурить около меня по очереди, ухаживать за мной и не давать мне вести себя «неподобающе».

Роза сама вызвалась первой на дежурство около меня, сказав, что в еврейском госпитале она быстрее других обо всем дотрындится без лишних терок, хотя сама она не сефардка, а ашкенази.

Вот теперь сидит рядом на стуле и с выражением читает мне какую-то розовую хрень, про которую было заявлено, что это «женская боевая фантастика». Ну да, ну да... Видел как-то по зомбоящику такой мерисьюшный апофеоз. «Зина – королева воинов» назывался вроде.

Слушал я Розину мелодекламацию (мне девчонки еще и проигрыватель с парой флешек подогнали, чтоб не скучно было, вот он тихонечко и журчал фоном), а сам, делая вид, что чутко внимаю Розе, собирал в единую картину все то, что они вывалили на меня тут сумбуром в девятой степени. Их же девять – девочек-то, и у каждой свой сумбур, свои острые впечатления и не менее острые переживания от инцидента. И все это было вывалено на меня со всех сторон практически одновременно. С оханьями, аханьями, перебиваниями друг друга, деланиями больших глаз и стыдливым умалчиванием об описанных трюсах.

Только героини этого конфликта на границе были малословны, все больше отделиваясь междометиями и односложными переложениями. Стеснялись они повышенного внимания к себе.

Если же перевести весь этот девичий сумбур на классическое повествование, то после того, как меня вывели из активного обращения, произошло следующее.

Как только моя тушка исчезла с водительского сиденья автобуса и заменилась на фигуру орденового офицера с моим же автоматом в руках, что характерно, никто их девочек еще ничего не понял. Офицер патруля открыл рычагом пассажирскую дверь и резко скомандовал по-английски:

– Руки вверх. Выходи по одной.

Потом повторил ту же команду, но уже по-немецки.

У выхода нарисовался второй патрульный с длинной винтовкой в руках.

Первой, естественно, поманили Розу, так как та сидела сразу за водительским сиденьем. Она сняла наушники и, как под гипнозом, медленно вылезла с рабочего места радиста. Патрульный офицер вынул у нее из кобуры наган и подтолкнул к выходной двери, не убирая направленный на салон автобуса «бизон».

Наган он, хмыкнув, бросил на водительское сиденье.

В дверях Розу переняли остальные налетчики и усадили на корточки у борта автобуса ближе к заднему колесу. И еще один патрульный тут же взял ее на прицел.

Потом та же манипуляция по очереди была проведена по очереди с Сажи, Анфисой, Галей, Наташей, Ингеборге и Альфией.

Девчонки, пребывая в ступоре, вели себя чисто как зомби. Никакого сопротивления не оказали вообще, несмотря на то что были вооружены до зубов и уже обстреляны в бою. Им казалось, что все это происходит не с ними. И что все это не взаправду, а понарошку. Что сейчас джентльмены в форме предложат им пройти к месту пикника и там развлечься едой и напитками.

На активные действия не было моей отмашки. Вот они и растерялись.

Организован налет был четко. Один держит всех под прицелом автомата с водительского сиденья, другой принимает в дверях, разоружает и усаживает у борта. Еще двое держат под прицелом винтовок посаженных на корточки девушек уже на свежем воздухе.

Когда патрульные разоружали Бульку, то в торце салона около немецкого пулемета от всего отряда остались только Бисянка и Комлева.

Перед Дюлей на обрезиненных трубах заднего сиденья был закреплен РПК, но она понимала, что времени для того, чтобы нагнуться, схватить пулемет, навести и передернуть затвор, у нее не хватит. Патрульному офицеру достаточно полмгновения, чтобы спустить курок «бизона» и напиговать ее с Таней свинцом. А потому даже не дергалась. Самоубийство, даже изощренное, в ее планы не входило. Подняла руки, так и стояла.

Таня также стояла столбом в позе пленного фрица за противоположным сиденьем, около биотуалета, и только искоса переглядывалась с Дюлей. В ее глазах читалась полная безнадега.

Но тут за бортом автобуса неожиданно резко раздался выстрел, за ним другой.

Офицер повернул голову к двери, и в это время Таня Бисянка выхватила из кобуры свой нагановский укорот и уложила тупую пулю точно в висок орденца.

А Дюля, неестественным образом запрыгнув задом на столешницу около пулемета, дважды выстрелила в открытую форточку из своего нагана, и упала, сломав своей красивой попкой хрупкую кофемашину.

Только тут остальные девчата очнулись от столбняка, вскочили на ноги и стали остервенело пинать берцами трупы орденских патрульных. Правда, тот, в кого стреляла Наташа, еще дышал.

На саму раненую Наташу поначалу никто не обратил внимания – валяется около колеса и валяется, может отдыхает в отключке, пока Дюля не выглянула в окно и не накричала на всех.

Восстановила порядок Ингеборге, прекратив избиение трупов, связав раненого налетчика и приказав ни в коем случае не трогать меня с места падения, а вот Синевич, наоборот – разоблачить и перевязать.

Антоненкову с Шицгал послала на перевал вызывать по радио помощь.

Роза орала по всем доступным каналам, что произошло бандитское нападение на автобус «Звезд Зорана» и что есть тяжелораненые, которым срочно требуется реанимация.

Первыми откликнулись валлийские кирасиры, потом ответил радист из Кадиса, нудно уточняя место, где они находятся, пока в разговор не вмешались валлийцы и потребовали сразу выслать санитарный вертолет вдоль дороги, а координаты они ему дадут сами, им недолго подъехать.

– Откуда у Наташки взялся пистолет? – спросила Роза, когда девчата уже ушли.

Ответил правду:

– Я подарил, на выезде из Портсмута. «Байкал» из трофеев. Она его сразу засунула в правый бедерный карман шаровар. А в левый – запасные магазины. Вот партизанка!

– Не ругай ее, – строго сказала Роза, – она нас всех спасла. Если бы этот офицер не обернулся на ее выстрел, то у таежниц не было бы даже шанса.

– Дальше-то что было?

– Дальше приехали кирасиры, и Антоненкова взасос целовалась с лейтенантом.

– Сплетничаешь? – поднял я правую бровь.

– Нет, просто рассказываю, что было дальше. По твоей же просьбе, между прочим, – надулась Роза.

– И?..

– Потом прилетел вертолет, забрал тебя с Наташкой и улетел. Очень хвалили, что тебя с места на место не переносили. Так что ты у Ингеборге опять в должниках.

Роза немного помолчала.

– Ну? – подбодрил ее.

– Потом кирасиры все вокруг сняли на камеру, собрали трофеи в их шведскую «буханку» и отдали от нее ключи Бисянке. Теперь это их с Ингеборге трофей, по местным правилам. Их и Синевич, на троих. Потом привязали на свой броневик раненого бандита, дали нам в автобус водителя и все поехали в Виго. А этих орденцев дохлых прямо там, на обочине, и бросили. Только ботинки с них сняли. Мрак.

Новая Земля. Европейский Союз. Город Виго.

22 год, 1 число 6 месяца, суббота, 25:14

Наши тихие посиделки прервала все та же, так и не представленная мне медсестра. Вслед за ней ввалились в кубрик и хорошо знакомые, но также безымянные для меня карги. Они, тяжело пыхтя, тащили длинную узкую банкетку. Деревянную такую, узенькую и, что

характерно, – сверху бордовым винилом крытую. Приставив банкетку к стене, карги торопливо ушли, а медсестра осталась.

– Ну-с... – привлекла медсестра наше внимание.

– Слушаю вас, – откликнулась Роза.

– Как я понимаю, вы остаетесь тут дежурить в ночь, – констатировала медичка, – тогда это сиротское ложе – для вас. Постельное белье и подушка – в шкафу.

Она указала рукой на банкетку и еще куда-то мне за голову.

Роза понимающе кивнула. С достоинством так. Просто пай-девочка.

Перекатившись ко мне, медсестра предупредила:

– Больной, прижмите голову к матрасу.

После чего с металлическим лязгом нажала на невидимый мною рычаг, и кровать резко переместила мою тушку снова в горизонтальное положение.

– Не дергайтесь, – это уже мне персонально сказано. – Придется вас снова зафиксировать. На всякий случай. Но только на эту ночь. Будете себя хорошо вести, больше связывать не будем. А пока без возражений, пожалуйста. Это для вашей же пользы.

Она быстро и умело зафиксировала мне запястья и лодыжки специально для этого предназначенными захватами. Заботливо поправила на мне махровую простыню и удалилась, пожелав всем спокойной ночи.

– Надеюсь, – посмотрела она на Розу, обернувшись в дверях, – вы меня ночью беспокоить не будете.

– Ни в коем разе, – ответила ей Роза, потупив глазки, как примерная ученица в монастырской школе.

– В крайнем случае, кнопка вызова – на стене перед столиком, – вздохнула медсестра обреченно – не верила она в спокойную ночь.

И ушла.

Роза встала и закрыла за медсестрой дверь.

Повернувшись ко мне вместо сладенькой Розы уже фурия с раздувающимися ноздрями. Глаза ее просто искрились от сладострастного предвкушения. Красивые губы разъезжались в улыбке хищника, осознавшего, что жертва от него уже никуда не денется.

Двинувшись к моей кровати мягким кошачьим шагом, Роза многозначительно улыбалась.

Я даже притрухал слегка от такой картинки.

– Роза, – постарался сказать твердым голосом, – ты это чего?

– Давно вот о таком мечтала, – протянула Роза, показывая в улыбке все свои ровные зубы. – Жорик Волынский в полной моей власти. Но торопиться не будем...

С этими словами она присела на стульчик около кровати и сквозь простыню сгребла в горсть мою мошонку. Впрочем, не сильно, скорее ласково. Второй рукой стала расстегивать на себе медицинский халатик.

– Роза! – грозно прикрикнул я на нее. – Отставить садо-мазо. Вырвем с корнем половую распущенность!

– Как скажешь, милый. – Роза слегка сжала свой кулачок. – Корень у меня в руке. Рвать будем или ласкать?

Ее рука переместилась с мошонки на ствол возбужденного приапа, который независимо от моей воли приподнял простыню.

– Роза, что ты сейчас делаешь с раненым человеком, у которого шея сломана?

– А мне твоя шея не нужна, не бойся. Ты, главное, соблюдай данные местной медицинской предписания – не дергайся. – С этими словами Роза стала сдвигать простыню с моих ног мне же на грудь.

– Во-во. Ты еще лицо мне тряпкой закрой, – возмутился я.

Больше всего меня раздражало, что я тут привязанный намертво. Пассивная роль мне вообще не по характеру.

– А что, это мысль, – засмеялась Роза и действительно накрыла меня простыней с головой, оголив снизу.

– Сейчас будет так вкусно... – услышал я сквозь ткань, как тихо прошептала Шицгал, перебегая ласковыми пальчиками по нетерпеливо взбывчившемуся и настырно требующего продолжения органу, который уже жил собственной жизнью отдельно от моей головы.

Новая Земля. Европейский Союз. Город Виго.

22 год, 2 число 6 месяца, воскресенье, 9:26

Роза уже закончила кормить меня тощим госпитальным завтраком, когда в кубрик ввалился на предмет обхода страждущих целый медицинский магистр. Тот самый, с лицом Мастроянни. Согнав от меня Шицгал, он походя воткнул мне в анус термометр, заставил показать язык, оттянул веко, будто собрался натянуть его на ягодицу, и прочими врачебными действиями мучил минуты полторы. Внимания на меня обращалось не больше, чем на манекен для учебных манипуляций.

– Неплохо, неплохо... – промурлыкал Купер себе под нос, занося показания моей температуры на прищипдоренный к кровати лист. – Кто бы мог подумать, что будет такой эффект! Однако рентген не помешает для фиксации результата.

– Что вы там бормочете, магистр, – подал я сигнал о том, что я, между прочим, тоже здесь нахожусь.

Роза, что удивительно, стояла, молчала и никак не комментировала то, что происходит. Потом все же вмешалась, пытаясь вытянуть из Лусиано Купера информацию.

– Люська, давай колись, что происходит? – приступила девушка к допросу несколько панибратским тоном.

– Мне это тоже любопытно, глядя на ваш таинственный вид, – поддакнул я ей.

А сам слегка задумался о причине таких амикошонских отношений Шицгал с Купером, который, как заявила доктор Балестерос, тут «весь госпиталь перетоптал».

Но магистр медицины оказался крепким орешком.

– Будет обход, там все и узнаете, – и подмигнул при этом Розе.

С намеком так подмигнул, дон Жуан местечковый. И я тут же успокоился. Так подмигивают женщине, которой добиваются, а не той, которую уже поимели.

– Кстати, ваше дежурство уже кончилось, – добавил врач уже персонально Розе.

Я понял, что при ней Лусиано ничего говорить не намерен, и тоже поддакнул:

– Да, Роза, не мешает тебе отдохнуть после вчерашнего.

Роза собрала свою сумку и примирительно сказала:

– Ладно. Покантуйся тут немного один. Я тебе Антоненкову пришлю сразу, как до дома доберусь.

Наклонившись, поцеловала меня в губы и вышла в коридор, сказав на пороге нам обоим:

– Чао.

– Так, доктор, колись, что на самом деле произошло, – наехал я на Купера, льстиво повысив его в научном звании.

– Немного терпения, доктор Волынски, – невозмутимо ответил врач. – Скоро тут будет доктор Балестерос, посмотрит результаты, тогда она вас и просветит о том, что именно произошло. А пока пошли на рентген, – сказал врач, деловито расстегивая захваты на моих лодыжках.

– Как пошли? – удивился я.

– Ножками.

Новая Земля. Европейский Союз. Город Виго.

22 год, 2 число 6 месяца, воскресенье, 10:30

Доктор Балестерос явилась не одна, а с высокой красивой девушкой лет двадцати пяти – двадцати семи, карибской внешности, но без примеси индейской или негритянской крови. Креолка. С темно-каштановыми крупно вьющимися локонами чуть ниже плеч, на макушке прихваченными серо-зеленой шапочкой-таблеткой. Туго подпоясанный дежурный халат с чужого плеча не скрывал ни отличной фигуры, ни стройных ног. Большой лоб, высокие скулы, узкий подбородок, чувственные губы; немного длиннее, чем нужно нос, и глаза цвета спелой маслины под соболиными бровями. На ее руках не было маникюра, а на лице – косметики. Куда еще краситься, имея такие шикарные черные как смоль длинные ресницы и такой прекрасный цвет лица!

– Доброе утро, – сказала Мария Балестерос по-английски, входя в кубрик. – Познакомьтесь: это наш пациент доктор Волински, а это наш прикомандированный ординатор доктор Вероника де Охеда Лопес из Нью-Рино. Она фармаколог-исследователь. Именно ее новый препарат мы и применили вам, Георги.

– Так я еще до кучи и подопытная морская свинка у вас, доктор Мария. – Но поднимающееся раздражение разбилось об очаровательную улыбку нового доктора Вероники.

– Вы не правы, – заявила она по-английски, – период испытаний на животных я закончила еще во время последнего мокрого сезона.

– Что это за препарат? – поинтересовался я. – И какие побочные эффекты у него? К чему мне готовиться? Уши мхом не обрастут?

Доктор де Охеда ответила, не отрываясь от рассматривания моих снимков на просвет, которые ей услужливо подал Купер:

– Это вытяжка из местного эндемика. Довольно редкого здесь вьющегося растения типа земной омелы. Сбирать его можно только на северных склонах Сьерра-Гранде и только в мокрый сезон. В остальное время те вещества, которые оно вырабатывает, не так активны, как бы нам того хотелось.

– Как хоть называется этот препарат? – любопытствовал я.

– Охедин, – скромно просветила меня Вероника де Охеда.

Доктор Балестерос, водя пальчиком по рентгеновским снимкам, что-то затарахтела по-испански. Видимо для того, чтобы я ничего не понял. Но я догадался, что другие рентгеновские снимки мне делали, когда я был «овощем» и общался со Львом Мехлисом.

– Да, вы правы, – покивала ей доктор де Охеда, переходя на английский, – это просто феноменально. Я никак не ожидала такого быстрого результата.

– А уж как мы не ожидали, – вставил свои пять копеек магистр Купер, поедая доктора де Охеда масляными глазками. – Кстати, сегодня до рентгена доктор Волински дошел сам, без каких-либо трудностей. Можно сказать, что он уже здоров, но я бы подержал его в госпитале еще пару недель под наблюдением до полного выздоровления. Мало ли что?

– Вы меня просто обескуражили своими результатами, – сказала доктор де Охеда. – Придется мне поставить еще серию опытов на животных, уже совмещая с охедином яд амазонского паука, чтобы точно знать, что эффект такого быстрого зарастивания костной ткани связан именно с ним. Заодно и дозировку точнее просчитать.

– Значит, я все же был морской свинкой, – проговорил я в потолок, но достаточно громко, чтобы меня слышали врачи.

– Что вы сказали? – повернулась ко мне Мария Балестерос.

– Просто я хотел бы узнать: я вам тут не мешаю? – Ехидству моему не было предела.

Слава богу, магистр Купер, прежде чем тащить меня на рентген, выдал мне госпитальную пижаму и тапочки фасона «ни шагу назад». Веселенькую такую пижамку: желтенькую

и всю в коричневых мишках Тедди. Для девочки-подростка самое то. Вот в этой пижаме я и вылез из-под простыни и пошел в коридор.

– Вы куда? – требовательно спросил меня магистр Купер.

– В сортир, – ответил я всему консилиуму. – Раз я практически здоров, то и похезать сам смогу на унитазах, как человек. А не как привязанный к кровати трупик, из которого дерьмецо санитарки выковыривают.

И не обращая больше никакого внимания на докторов, вышел в госпитальный коридор. Как помню по походу в рентгеновский кабинет, там по правую сторону от кубрика третья дверь как раз и был докторский индивидуальный галльон.

Ибо не фиг.

Новая Земля. Европейский Союз. Город Виго.

22 год, 2 число 6 месяца, воскресенье, 10:55

Под громкий шум переглатывания воды в глубинах унитаза, выйдя облегченным из кабинки санузла, у раскрытого окна умывальни застал парочку небритых хомбре в веселеньких больничных пижамах, розовеньких таких, которые о чем-то увлеченно друг другу триндели, не забывая при этом вкусно курить.

Вдруг почувствовал, что у меня уши опухли от долгого отсутствия никотина в организме. Странно. То вообще не замечал ничего такого, а тут как плотину прорвало. Пришлось идти кланчить у мужиков чинарик. Жестами, естественно, потому как местные ранбольные ни английского, ни русского языков не знали. А я так совсем не разобрал их мовы.

Но ничего, поняли друг друга. Угостили они меня моей любимой новоземельной «Конкистой». Даже с фильтром. Беленьким таким, бумажным, как на французском «Житане». Не видел еще таких здесь.

От первой затяжки даже закружилась голова...

Не-е-е... Это я сюда удачно зашел.

Докторский галльон, куда я поначалу намылился, по закону подлости оказался заперт на ключ. Впрочем, это не расходилось с моими ожиданиями. Это я так, из вредности туда ломился. А в общем, все понятно. Все сделано для того, чтобы такие, как я, в нем не шарилась. Не писали мимо унитаза и не писали разную похабень на стенах.

Пришлось срочно все бросить и искать общественный галльон, тот, что для больных.

Ворвался в искомый кабинет, найденный в конце коридора по запаху застарелого сигаретного дыма, уже на пределе давления в клапанах.

В помещении с крашенными масляной краской стенами и тривиально беленым потолком были в наличии умывальники из нержавейки и кабинки с унитазами, закрывающиеся легкими пластиковыми дверками, как в «Макдоналдсе». Все свободные, на мое счастье. И чистые, в смысле – мытые, так как стены ожидаемо оказались все в надписях и рисунках сортирного содержания, единого для всего мира стиля. Теперь уже двух миров.

Даже бумага туалетная тут была в наличии. Плохонькая, похожая на серый советский рулон, но все же это признак цивилизации, когда бумагу из сортира не тырят.

Вот и сейчас после облегчения кайфую с сигаретой. Только во вкус вошел, как меня обломала медсестра: нагло ввалившись в мужской туалет и выделив меня из группы курильщиков, погнала в кубрик, даже не дав докурить. Стерва такая. Видать, диктатура медсестер в лечебных учреждениях – общечеловеческая ценность во всех мирах, вне зависимости от политического строя.

В кубрике медсестра быстро перевела кровать в положение «сидя».

Заставила меня туда взгромоздиться и приказала ждать.

– Чего ждать? – не выдержал я этих торопливых непоняток.

– Просто ждать, – ответила мне сурово.

– Ждать так ждать, – сдался я.

Кто ее маму знает, возьмут и опять к кровати привяжут, а мне уже до смерти надоело изображать из себя Прометея.

Ждать пришлось недолго. В сопровождении доктора Балестерос в кубрик вошла весьма занимательная троица, напомнившая мне Никулина, Моргунова и Вицина из «Кавказской пленницы».

Доктор «Просто Мария» представила мне посетителей по очереди.

Высокий толстяк, которого я отождествил с Моргуновым, оказался городским алькальдом³⁷. Звали его Эдуардо Рамос Месонера. Шестидесятилетний седой представительный старик, одетый в чесучовый костюм терракотового цвета, белую рубашку и полосатый галстук – и это в такую-то жару! На манжетах его рубашки отсверкивали золотом вычурные запонки. На указательном пальце левой руки пускал солнечные зайчики большой красный камень золотого перстня. А запястье правой оттягивали массивные золотые часы. Лицо его было полностью выбрито, из растительности остались лишь густые седые брови над желтыми глазами и короткий седой ежик на черепе. Вопреки жесткому взгляду лицо главы городской власти имело вид весьма добродушный и даже участливый. Просто Санчо Панса – переросток валуевских кондиций. Хотя если вспомнить классика, то Санчо Панса всю жизнь мечтал стать губернатором на острове. Этот – дорвался. И еще от него настолько сильно разило дорогим парфюмом, что даже медсестра морщилась украдкой.

Персонаж, похожий на Вицина, – Мануэль Гутьеррес Мельядо, исправлял должность городского коррегидора³⁸ и был полной противоположностью алькальду. Небольшого роста худой жгучий брюнет-живчик с маленькими черными глазками. С длинными волосами, забранными на затылке в косу, и щегольской эспаньолкой он смахивал бы скорее на мафиози, если бы не пренебрегал статусными для бандитов украшениями. Одет местный глава полиции был весьма легкомысленно: канареечного цвета расстегнутая рубашка-поло и хлопковые голубые шорты чуть ниже колена. На волосатых ногах – веревочные сандалии на босу ногу. На впалом животе – черная сумка-«кенгуру».

Третьего посетителя, Никулина, по моей классификации, доктор Балестерос представила как генерал-капитана³⁹ «милисианос рэкрете казадорес»⁴⁰ Паулино-Эрменхильдо Теодуло Баамонде. Генерал был одет по полной военной форме. Холщовый френч поверх майки, подпоясанный широким ремнем, большая револьверная кобура на нем почти под левым локтем, бриджи – все цвета хаки, и коричневые ботинки с аккуратными обмотками (эти обмотки меня озадачили и чуть не рассмешили – вовремя спохватился, что смех в данной ситуации неуместен). На рукавах его френча чуть выше обшлагов были вышиты желтой нитью скрещенные шпаги, и вокруг них пирамидой располагались три четырехугольные звезды сантиметрового размера. Жгучий брюнет лет тридцати пяти, высок, в меру сухощав, гладко выбрит, щеки вертикально прорезали две глубокие морщины от густых усов, и неожиданно на контрасте – серые глаза. Левая рука была затянута в перчатку и не гнулась (потом просветили, что это у него протез). В правой руке он одновременно держал стек и широкополую шляпу, одно из полей которой прикреплено к тулье желто-красной кокардой.

Весьма представительная делегация. Для полного комплекта местной высшей власти не хватало только президента кортесов⁴¹ города Виго. И это все ко мне?

³⁷ **Алькальд** – в современной Испании и ряде государств Латинской Америки выборный глава муниципальной администрации; выполняет административные и некоторые судебные функции.

³⁸ **Коррегидор** (*исп.* corregidor – букв. исправник, от *corregir* – исправлять, корректировать) – административная и судебная должность в городах и провинциях феодальной Испании, а также в ее колониях. Начальник полиции.

³⁹ **Генерал-капитан** – в настоящее время высшее воинское звание в Испании, равное генералу армии в РФ.

⁴⁰ **Милисианос рэкрете казадорес** – иррегулярные части егерей, основанные на милицейском принципе.

⁴¹ **Кортесы** – здесь: городское законодательное собрание.

Как оказалось – таки да. И не просто так ко мне, но ко мне с извинениями.

Однако алькальд, или по привычному для нас названию – мэр, начал свою речь не с извинений, а с той радости, которую он испытывает оттого, что печальный инцидент на границе обошелся без невозвратных потерь. Похвалил спасательные службы за оперативность. И только потом выразил свои извинения и сожаления о том, что такой инцидент имел место быть вообще на территории их анклава. Высказал пожелание мне и Наташе быстрее выздороветь, особо отметив, что лечение наше будет в его городе бесплатным согласно решению властей (тонкий намек на себя любимого, чтобы мы не забыли, кого надо благодарить). И на собственно лечение, и на медикаменты, и на госпитальный уход, и конечно же на питание (отель «все включено», черт бы его побрал с такой кухней и анимацией).

– Ну, а в высокой квалификации наших врачей вы уже убедились, – улыбнулся алькальд, заканчивая официальную часть. – Про принятые меры по инциденту вам подробно расскажут наши силовики. – Небрежный взмах рукой на других двоих. – Вопросы, какие-либо пожелания у вас ко мне есть?

– Есть, – сказал я. – У меня вместе с одеждой отобрали сигареты. А от отсутствия табака уже уши пухнут.

– Да, беспорядок, – согласилась со мной власть, доставая из кармана золотой портсигар. Алькальд вытряхнул из него полтора десятка сигарет – все, что там было, и положил их на тумбочку.

– Вы какой табак предпочитаете? – поинтересовался сеньор Эдуардо у меня.

– «Конкисту», – охотно отозвался я на этот вопрос.

– Нашу «Конкисту»? – удивился алькальд.

– Да. Я к ней еще в Порто-Франко пристрастился.

– Хорошо. Будет вам «Конкиста», – заверил он меня. – И если других вопросов к городским властям у вас нет, то позвольте мне откланяться. Увы, дела.

Крепко пожал мне руку и ушел. Политик, ёшкин кот.

Доктор Балестерос факт исторического рукопожатия зафиксировала на плоский цифровой фотоаппарат. Ни шагу без пиара даже в этом мире.

Как только мэр ушел, медсестра с докторшей борзо подтащили к моей кровати банкетку, на которую тут же уселись оставшиеся мужчины, и дальнейшее общение с официальными лицами протекло, говоря формулами протокола, в более теплой обстановке.

Инициативу в беседе моментально перехватил коррехидор, едва коснувшись банкетки своими худыми ягодицами.

– Сеньор Волински, как только об инциденте с вашим автобусом стало известно в Порто-Франко, сеньора Ширмер поставила на уши весь Европейский Союз. На это потребовалось всего три часа от первой радиogramмы валлийских кирасир. Все вооруженные силы Евросоюза вместе с батальоном патрульных сил Ордена прочесали территорию ЕС с острым желанием порвать на тряпочки обидчиков «Звезд Зорана».

– Неужели всю территорию? – удивился я, припоминая, что это почти треть континента.

– Всю по линиям основных дорог. По всем предполагаемым лежкам дорожных бандитов. По подозрительным фермам. Зачистку провели практически сплошную. В операции участвовало девятнадцать самолетов, три ударных вертолета Ордена и восемь биплов⁴² с автомобилями. Были бы у нас спутники – и спутник бы применили.

Коррехидор на секунду замолк, устраиваясь на банкетке поудобней.

– Главной нашей удачей, – продолжил он свой доклад, – стало то, что операция началась одновременно по всем анклавам. Ну, может быть, разница в два-четыре часа у некото-

⁴² Бипл (сленг) – беспилотный летательный аппарат с приборами слежения.

рых анклавов. Но первые отряды вышли разом. Потом другие подтягивались за ними волнами. Что, кстати, оказалось оправданным, потому как большинство банд было поймано или уничтожено второй и третьей волной прочесывания местности. Всего под раздачу попали двадцать четыре банды численностью от четырех до двадцати участников. И это только в сельской местности. В городах также идут определенные оперативные мероприятия, но пока они не закончатся, говорить о них преждевременно.

– Ну, если этой операцией в городах руководит Бригитта Ширмер, то я спокоен, хотя бы за Порто-Франко, – улыбнулся я своим гостям.

Генерал-капитан на мою сентенцию утвердительно кивнул.

– Неужели всех дорожных бандитов на Новой Земле зачистили? – задал им вежливый вопрос.

– Нет. Только на территории Евросоюза, – ответил коррехидор. – Американцев мы даже не информировали. Любых американцев. Боялись утечки информации. Поэтому и давили на скорость. Даже патрульные силы Ордена подключили, когда территория Ордена была полностью блокирована по всем проходным направлениям. Кстати, она и дала основной урожай – тринадцать банд.

– И все по нашу душу?

– У вас мания величия, доктор, – засмеялся коррехидор. – Хотя на территории Ордена из тринадцати банд за вами охотилось восемь. На других направлениях – только три. И все разные по этническому составу.

Нормально так, да? Половина всех бандитов континента охотится персонально за нами. И мне еще вменяют, что у меня «манечка». Но спросил другое:

– Украинцы были?

– Да, – подтвердил главный испанский полицейский. – И об этом я с вами хотел поговорить. Взяли одну украинскую банду на лежке в заброшенной румынской ферме около Южной дороги, в тридцати километрах от Порто-Франко. Восемь мужчин и две женщины. Так вот женщины заявляют, что они у бандитов пленницы и ваши жены.

Тут начальник полиции принял позу записного фокусника, вынувшего кролика из цилиндра: типа, что ты на это теперь скажешь?

– Как их зовут? – ответил я вопросом на вопрос.

Коррехидор полез в поясную «кенгуру», достал оттуда маленький блокнотик, полистал немного и прочитал:

– Окса фон Штирлиц и Ярина Бандера.

– Фигасе, – только и вырвалось у меня. – А где московский конвой с прошлого четверга?

– Нашли от него только машины, укрытые в оврагах под маскировочной сетью. Подбитый броневик и оружие московских омовцев изъяли у одной из дорожных банд. Броневик они, кстати, чинили активно. А вот людей из конвоя не было. И судьба их неизвестна. Можно только предполагать, да и то ничего хорошего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.